

ДИАНА СЕННИКОВА

ЗИМОВЬЕ

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Диана Сенникова

Зимовье

«Автор»

2024

Сенникова Д.

Зимовье / Д. Сенникова — «Автор», 2024

Дарья Осокина работает педагогом-психологом в провинциальной школе, а в свободное время волонтерит в кризисном центре помощи женщинам. В ноябре Дарья знакомится с жертвой домашнего насилия Татьяной и четырнадцатилетней школьницей со странной татуировкой на лбу. Обеим она попытается помочь собственными силами и силами равнодушных людей. К концу зимы Дарье придётся стать сильнее, смелее и категоричнее. Она многое потеряет, но найдёт любовь и добьётся справедливости для тех, кто будет смелым вместе с ней. ДИСКЛЕЙМЕР: Все события и персонажи этой книги вымышлены, все совпадения с реальными людьми и происшествиями случайны. Книга содержит описание сцен насилия.

Содержание

1	5
2	10
3	18
4	27
5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Диана Сенникова

Зимовье

1

Дарье повезло. Она всё-таки успела на последний, девятичасовой автобус, который довез ее до конечной старой остановки. Открытая Яндекс-карта показывала, что надо пройти метров двести пятьдесят вглубь дворов к нужному адресу. Даша огляделась. Это был рабочий район у подножья промзоны с низкими, желтыми двухэтажными домами, которые как трещинами перечеркивались тонкими стволами кривых голых деревьев. Было холодно, бесснежно и темно. Утром шел снег, но за день его весь втоптали в грязь и смешали с песком, которым щедро посыпали гололедицу. Поникший болезненный фонарь слабо освещал небольшой пяточок остановки, а остальное отбрасывал в еще большую темноту. Вокруг совсем никого, и машины по дороге ездил очень редко. Поёжившись, Дарья убрала телефон в карман куртки, потому что замёрзли пальцы. Дул противный ветер, казалось, проникающий не то что под куртку, а даже под водолазку и куда-то за грудину. Напрасно Даша решила не надевать сегодня термобельё. Двенадцатое ноября – самое время.

Дорожка от остановки пролегла мимо магазина «24 часа» и ныряла во двор. Там углом стояли две старые облезшие двухэтажки пятидесятых годов, а напротив буквой «Т» две серые высотки общежития с окнами-сотами без балконов. Во дворе небольшой скверик с разваливающейся металлической детской площадкой, вкопанными в землю шинами и лавочками. У одной из лавочек под фонарём стоял невысокий, коренастый человек в полицейской форме. Он стучал носком ботинка в опору лавочки, чтобы согреться, и оглядывался в проход между домами, грызя длинного мармеладного червяка. Когда Даша сделала еще несколько быстрых шагов вглубь двора, он в очередной раз повернул голову и заметил её. Поправив сумку-портфель на плече, он шагнул Дарье навстречу. Между огромной замёрзшей выбоиной, наполненной грязью, и фонарём они встретились.

– Привет, Кирилл, – улыбчиво поздоровалась она и кивнула на мармелад, который парень спешно дожевывал. – Ночной перекус?

– А, – махнул Кирилл рукой, – курить бросаю. А ты чего, не на такси? На автобусе? И не позвонила с остановки? Шарахаться тут одной в такую темень не надо бы.

– Три таксиста в эту глушь ехать отказались, – сказала Дарья, разведя руками, и поёжилась, – я и с остановки нормально дошла, тут три шага.

– Кому три шага, а кому потом... ищи-свищи, – недовольно свистнул Кирилл, строго зыркнув. Это был крепкий алтаец с колкими, недоверчивыми глазами под глубоко надвинутой шапкой. Он чуть больше года работал участковым и только проблем с пропавшей, а то и еще чего похуже, девушкой ему в районе не хватало.

– Ты такой важный стал, Кирилл Ильич, а всё бубнишь и бубнишь, – беззлобно сказала Дарья, поглядывая на старого друга в форме. – Рассказывай лучше, что тут у вас такое...

– Да, спасибо, что приехала. – Тут же вспомнил парень, зачем он Дарью ждал целый час на морозе. – Вон в той двухэтажке у нас проживает клиент... – Кирилл ткнул в сторону второго подъезда рукой, привлекая внимание, – по вашему профилю. Короче, мужик бабу лупит: там вопли, оры, драки, дети – как обычно. Четвёртый эпизод за полгода. Мадам сначала орёт по ноль-два: «убивают, приезжайте», потом орёт: «уезжайте, никто не бил, сама об косяк ударилась, ничё писать не буду». По классике, короче. Наши к ним уже даже не приезжают. Сегодня соседи напрямую мне позвонили, я потом на себя вызвал наряд.

– Забрали? С заявлением?

– Да нет, конечно. Этого упаковали, но... – Кирилл пожал плечами и не стал договаривать, потому что Дарья и сама понимала: продержат до утра, а потом он вернётся. – Я сегодня пришел, а у неё там это... понимаешь, младенец на сиське, ну прямо только вылупился. А сиська вся синяя, я охренел просто.

– Как младенец? Маленький совсем? Ты же говорил, полгода уже дерутся. Он её что, беременную гонял?

Кирилл кивнул и достал из кармана мармеладного червяка двумя пальцами, как сигарету. Дарья перестала улыбаться и мрачно глянула на старый облезший дом. Там, за надёжной и крепкой металлической дверью, висящей на отваливающейся штукатурке, была разваливающаяся скрипучая деревянная лестница. Доски её кое-где прогнили и черными проплешинами прогибались под ногами. облупившаяся краска давным-давно некрашенных перил осколками впивалась в пальцы. Дарья вытерла ладонь о штаны, зайдя на площадку второго этажа, и осторожно постучала в дверь с номером шестнадцать. А когда ей не ответили, постучала еще раз.

– Татьяна?.. Татьяна, меня зовут Даша, я могу вам помочь.

Дверь долго никто не открывал. Дарья стучала негромко и аккуратно, чтобы не испугать женщину, но настойчиво. И дверь, щелкнув один раз замком, наконец, открылась. За ней стоял испуганный мальчик лет пяти в трусиках, выцветшей майке и носках. На худом лице выделялись круглые тёмные глазёнки, а над длинными изломанными бровями стоящая торчком челка, как будто он умылся, проведя ладонями по лицу вверх.

– Здравствуйте, – улыбнулась ему Даша и помахала рукой. Мальчишка моргнул и убежал в комнату, из которой тут же вышла сгорбленная женщина с младенцем на груди. Она была невысокая и уютно-пухлая, какой бывает женщина после недавних родов. На футболке виднелись пятна от молока, а из-под рукава сине-зеленые кровоподтёки. Длинные волосы женщины были когда-то давно заплетены в косу, но она вся растрепалась, и резинка на кончике хвоста съехала вбок.

– Вы кто? Вам чего? – испуганно спросила Татьяна, прижимая к себе ребёнка, как будто боясь, что его сейчас заберут. Дарья это сразу же поняла и поспешила объясниться.

– Меня зовут Даша. Я не из полиции и не из опеки, не волнуйтесь. Мы можем просто поговорить?

Татьяна несколько секунд недоверчиво смотрела на неожиданную гостью, а потом нервно, коротко кивнула, и прошла в комнату. Даша разулась, сняла куртку и шапку и прошла за ней следом. В комнате небогато, но без бардака. Был уже разложен на ночь диван, на котором из-под одеяла выглядывал мальчик. Сбоку школьный стол со стеллажами, заваленными какими-то журналами и бумагами, на столе монитор компьютера, под столом системный блок и ведро с тёмными бутылками. По другую сторону детская кроватка со смятым постельным бельём. На полу в беспорядке валялись мелкие игрушки, а на не зашторенном окне несколько детских бутылочек, пачка влажных салфеток и маленькая упаковка подгузников. Татьяна осторожно и медленно опустившись, села на диван, прикрыв собой старшего ребёнка, и начала мерно, безотчетно качаться из стороны в сторону с младенцем на руках. Дарья выдвинула от компьютерного стола кресло и села на него. Татьяна испуганно сбоку посмотрела на неё и на крутящееся кресло, но ничего не сказала, только сильнее начала качаться.

– Я волонтер центра помощи женщинам... которые оказались в сложной жизненной ситуации, – мягко сказала Даша, решив не шокировать сразу же фразой о том, что она помогает жертвам домашнего насилия. Почему-то эта формулировка каждую вторую заставляла яростно сопротивляться: «я не жертва...», «он не насильник!». – Мне кажется, у вас сложилась как раз такая ситуация.

– У меня всё отлично! Этот ускоглазый влез!.. – неожиданно вскрикнула женщина громче, чем планировала, и сама испугалась. Младенец у неё на руках скуксился и уже набрал воздуха в грудь, чтобы разораться, когда мама проворно дала ему грудь. Даша бросила взгляд

на эту грудь и поняла, Кирилл не приукрасил – она действительно была вся в синяках, и свежих, и застарелых. Отвезти бы её в травму для фиксации побоев... Но нервное, настороженное поведение Татьяны и отказ писать заявление подсказывали, что она еще не готова. А если надавить – может вообще от любой помощи отказаться и снова остаться со своей бедой один на один.

Младенец тревожно засосал, а Татьяна бросила колкий взгляд на Дарью и зло зашипела.

– Этот ваш влез. Кто его просил? Пришел, начал тут учить меня! Никуда я не поеду! Ничего снимать не буду! Чего ему надо от меня? – но последние слова сказала еще тише и испуганнее. – Кто его просил эту шумиху поднимать? Нечего к нам ходить сюда постоянно! Мы и не кричали особо то. Так... А этот полицию вызвал, они Виталика скрутили и забрали! Кто его просил?! Я же говорила, что мне ничего не надо. Я же говорила! Что мне потом делать?

– Я понимаю... – кивнула Дарья. – Вы боитесь того, что может случиться, когда он вернётся, – озвучила она невысказанные мысли молодой мамы, не скатываясь в вопросительную интонацию. – Он вас снова будет избивать.

Татьяна осеклась на полуслове, как будто испугалась, что её разоблачили. Захотелось спрятаться, поэтому она глянула за спину на старшего ребёнка. Он большими глазами смотрел на мать из-под одеяла, плохо понимая, что происходит. Но по-детски чутко ощущая, что сейчас всё может измениться. Именно эту странную надежду, похожую на тёплую волну, мать и ощутила. Татьяна вскинула голову, как будто спрашивая у пятилетнего ребёнка как ей поступить. Но малыш, как и мама, понятия об этом не имел и только беспомощно кутался в одеяло. Татьяна почувствовала, что тоже очень устала и хочется накрыться одеялом с головой.

– У вас есть родственники или друзья, где вы могли бы переждать это время? – негромко спросила Дарья, которая знала, как в этой ситуации можно было бы поступить. Татьяна удивленно повернулась и посмотрела на неё.

– Переждать?

«Переждать» звучало не так страшно и невероятно, как «снять побои и уйти от него, нахер!» навсегда, как требовал нечуткий участковый.

– Ну да, переждать. Переждать, пока он не перестанет сердиться... – Дарья была аккуратна в формулировках, чтобы не напугать. Чтобы не подталкивать Татьяну ни к какому жизненно-важному решению прямо сейчас. Даше просто хотелось, чтобы эта уютная, но избитая и испуганная женщина со своими детьми оказалась в безопасности. – Он ведь потом всегда остывает и извиняется, – утвердительно сказала она, как будто точно знала, что у Татьяны тут происходит. Таня даже кивнула, подтверждая. – Всегда говорит, что он не сдержался и всё у вас будет хорошо. Потом, после. А сейчас вам есть куда уйти на эти несколько часов или дней?

– Только к свекровке если... Там она, в общежитии живёт. Но я к ней не пойду, она не любит, когда мы... ну, ругаемся. А у меня никого, мать умерла восемь лет назад.

Татьяне было неловко об этом говорить незнакомой девушке, но она уже так устала, что не могла противиться странной гостье, которая как с неба свалилась со своими вопросами. А ведь она уже привыкла отгонять от себя любые мысли о том, что ей и детям тут страшно и больно. Что они все не должны тут находиться. Им некуда деться – вот о чем Татьяна думала каждый день и каждый час до прихода мужа с работы, а потом каждую минуту под каждый удар и крик после.

– Вы знаете, что в нашем городе есть специальное место, куда женщина может прийти, если у неё что-то не ладится? – снова заговорила Даша, отвлекая Таню от тяжелых мыслей. – На время. Чтобы подумать, что дальше делать.

– Без детей я никуда не поеду, – уже не так решительно проговорила Татьяна, хватаясь за последнюю причину не уйти, чтобы не разозлить его еще больше. Она бегала взглядом по небольшой комнатке, только ненадолго останавливаясь то на Даше, то на кресле, на котором она сидела.

– Без детей и не надо. Ни в коем случае. Давайте, я помогу собрать вам вещи? Какую-то одежду и документы на себя и детей.

Дарья решительно встала, не давая женщине времени передумать, и взяла в руки детскую маечку, висевшую на кровати.

– Нет-нет, эта грязная, её не надо, – тут же спохватилась Татьяна и подалась в сторону. Эта решительность Даши и ей придала сил, оставив за гранью этой минуты страх того, что может случиться потом. Малыш на груди уже уснул, так что Татьяна, прежде чем встать, смогла его положить на диван, рядом со старшим. – Петя, Присмотри за Павликом, ладно? Всё будет хорошо, сейчас мама соберёт вещи, а потом мы поедем в гости.

– Папа нам не разрешает ездить в гости, – нерешительно протянул мальчик, но из-под одеяла вылез, чуть не задев коленками спящего Павлика. – Он будет ругаться.

– Не будет, – почему-то резко сказала мать и дала мальчику колготки. – Давай быстрее одевайся.

Через пятнадцать минут Дарья, ведя за руку мальчика в серой курточке и синей шапке со свалывшимся в колтун помпоном, вышла из подъезда. На плече у неё висела спортивная сумка с немногочисленными детскими вещами, бутылочкой и свидетельствами о рождении. За Дашей вышла Татьяна, неся младенца в комбинезоне. Дарья придержала ей дверь, не заметив, как со спины из темноты вышла фигура. Петя дёрнулся в сторону, врезавшись матери в колени, Таня вскрикнула от неожиданности. Даша резко обернулась и ткнула плечом в мужскую грудь с нашивкой «полиция».

– Кирилл! Ты чего подкрадываешься?! – вскрикнула Дарья, моментально забыв вкрадчивый ласковый тон, которым разговаривала с напуганной женщиной. Татьяна, судорожно выдохнув резкий, как молния, безотчетный страх, пригляделась, и тоже узнала в возникшем из ниоткуда мужчине того самого участкового, который вечно к ним ходил, пытался разговаривать, а сегодня всю эту кашу с полицией и заварил.

Сегодня он постучал в дверь в первый раз, когда муж загнал Таню в узкую щель между диваном и детской кроватью. Он бил пяткой её по крестцу и орал: «сколько раз я должен говорить?! Нельзя комп трогать! Еще раз он туда ползет, я ему ручонки вырву!». Татьяна чувствовала, как у неё пижамные штаны промокли от крови, которая после родов еще не останавливалась, а из груди полилось молоко, потому что младенец громко кричал в кровати. Петя, испуганно прижимая младшего брата к себе, прятался с ним под одеялом и рыдал, не мог остановиться. В какой-то момент удар ноги по тазу женщины совпал с резким ударом ноги участкового в дверь: «Шохов, открывай!». Шохов отвлёкся и выругался, громко послав назойливого полицейского прямо через дверь. Но полицейский не ушел туда, куда его послали. Он стучал до тех пор, пока Шохов не озверел окончательно. Он агрессивно кинулся к двери, а Татьяна кинулась к детям. Взяла младенца, дала ему разламывающуюся грудь и глянула на участкового, который прошел в комнату под вопли Виталика. Ей показалось, что участковый бросил на неё и детей только один взгляд, а пришел, чтобы переругиваться с её мужем. «Ты что тут опять устроил? Я тебе говорил не бухать?!». «Ты чё припёрся опять? Вали отсюда!», – Виталия толкнул в плечо участкового. Татьяна закрыла свои глаза, чтобы не видеть, как всё закончится кошмаром, и уши старшему ребёнку, чтобы он не слышал вопли с матами. Потом Петя взвизгнул, увидев, как отец хватал полицейского за грудки, Шохов рявкнул: «заткни их!», участковый, ругаясь сквозь зубы, скинул его руки с себя, а Татьяна рыдала, потому что перестала что-либо понимать. Позже была полиция и наряд, который ничего не говорил, не кричал, а просто скрутил буйлившего мужика и увёл. Участковый тоже ушел, ни слова не сказав.

И вот он тут. Что ему надо? Он пришел, чтобы выплеснуть на неё всю свою злость из-за перепалки? Это ведь всегда так происходит. И эту Дарью подослал! И она на самом деле ни из какого не центра, а из ПДН и хочет забрать малышей в приют. А он ей поможет, он ведь уже

говорил это её мужу: «Будешь бухать, семьи у тебя не будет!». Таня испуганно прижала к себе детей, но Кирилл и не думал у неё их забирать.

Участковый вышел на свет фонаря перед дверью и осмотрел компанию женщин и детей строгим, пронизательным взглядом. Он не сомневался, что у Дарьи получится то, что не получалось у него, с его грубоватой манерой. Поэтому он, пока Даша разговаривала, успел выйти на главную улицу и остановить там проезжающую машину ППС. Патрульные его внимательно выслушали и согласились довезти женщину с маленькими детьми в реабилитационный центр в другом районе.

– Спасибо, Кирилл, – искренне поблагодарила его Дарья, сменив гнев на улыбку, потому что как бы она не старалась, но даже с приоритетной подачей в два раза дороже обычной цены, таксисты ехать сюда и везти детей не хотели. Она собиралась попросить у него помощи, но дальновидный участковый и сам всё понял. А то ищи их всех потом вместе с детьми, свищи ночью в промзоне.

– Спасибо вам... – неожиданно для самой себя негромко проговорила Татьяна, вглядываясь в этого невысокого угрюмого парня, о котором она так невежливо и зло отзывалась. Вот уже несколько часов прошло после того, как её пьяного мужа увез патруль, а он всё еще тут стоит. Зачем? Наверное, потому что хочет помочь. Едкое, настоящее чувство вины тонкими иголками пробежало по горлу и остановилось на губах. – Извините, – сказала женщина, с удивлением чувствуя, как становится чуть-чуть легче от этого слова, если его не выбивают силой. Ей вдруг захотелось еще много слов сказать этим странным незнакомым людям, которые пришли к ней ночью, чтобы хоть что-то сделать для неё и детей, но участковый Кирилл Ильич легонько подтолкнул Петю к полицейской машине.

– Давайте быстрее, им тоже нельзя долго просто так кататься, – строго сказал он, прерывая порыв Татьяны рассыпаться в благодарностях. Татьяна коротко кивнула и опасливо двинулась в сторону машины.

– В центр? – негромко спросил Кирилл у Даши, когда она чуть отстала. Дарья поняла вопрос и кивнула: пока что в центр, может там, в спокойствии, удастся уговорить зафиксировать побои. – Ну ладно, – согласился участковый, покачав головой и дёрнув бровями: это лучше, чем ничего.

Дарья больше ничего не успела сказать, Петя потянул её за собой: настоящая бело-синяя машина с мигалками приводила его в невероятный восторг и хотелось поскорее оказаться внутри. Он совсем забыл, что очень боялся куда-то ехать и что папа будет этим недоволен, когда вернётся.

– Звони, если что, – напоследок сказала Даша из-за головы Пети, которого держала на коленях, когда все уже утрамбовались на заднем сидении патрульной машины.

– И ты тоже звони, как там что, – бросил ей Кирилл и закрыл дверцу машину. В приоткрытое водительское окно махнул рукой, мол, давайте уже, езжайте.

2

«Доброе утро, Друзья! У нас новости. Перво-наперво, наша девочка-Лисичка с помощью куратора смогла уехать к родителям. Ура! Спасибо нашему юристу Анне Владимировне за помощь в оформлении развода.

Вторая важная новость: в Зимовье переждать ненастье поздно ночью прибыла семья. Мама Т и двое малышей, одежды минимум, игрушек для младенцев нет вообще. Вы знаете, что у нас сейчас холодно, были бы очень благодарны за тёплую повседневную одежду и средства личной женской гигиены.

Так же мы очень благодарим нашего постоянного помощника Андрея Юдина за 50кг картошки и сливочное масло! Спасибо вам! Без вас Зимовье не было бы таким уютным и безопасным!»

На следующий день, во вторник, Дарья с утра занималась бумагами, и заодно в пол глаза почитывала соцсети центра. Лиза, одна из волонтеров, которая занималась взаимодействием «Зимовья» с людьми в интернете, уже успела написать новостной пост и не забыла про Татьяну.

Таню с детьми поселили в одной из комнат бывшего детского сада, здание которого сейчас занимал центр. Нашли свободную детскую кроватку и кое-какую еду, чтобы перекусить прямо сейчас, остальное можно было готовить на общей кухне. Когда уже глубокой ночью Даша уезжала домой, Татьяна, неловко потирая ладонями руки в синяках, её поблагодарила. Очень хотелось надеяться, что, оказавшись в тихом и безопасном месте, пообщавшись с психологом и врачом, женщина поймёт – в её жизни происходит что-то не то. Что можно и нужно жить без постоянных криков, страха и побоев.

После работы Дарья планировала съездить к Татьяне и уже как волонтер-психолог поговорить с ней. Она даже набросала на листе небольшой план беседы, когда в её маленький, больше похожий на каморку, кабинет без стука вошла замдиректора школы по воспитательной работе.

– Дарья Владимировна, вы слышали уже? У нас сегодня экстренный, так сказать, педсовет. Вчера Зорина из седьмого «Б» отличилась – пришла с татуировкой во весь лоб. Как будто цветной челки ей не хватило... – замдиректора закатила глаза, выражая этим всё своё отношение к Зориной и её самовыражению. – Вызвали родителей; после третьего урока присоединяйтесь в двадцать шестой кабинет.

– Да, конечно, обязательно, – кивнула Даша и отложила план беседы подальше.

Вот уже три года Дарья Владимировна работала психологом с функционалом социального педагога в обычной общеобразовательной школе. Директор этой школы, много понимающая в своём деле и не выгоревшая женщина сорока трёх лет, с большим удовольствием прибегала к помощи штатного психолога, считая, что её главная задача – помочь детям как можно лучше жить эту сложную жизнь. Трудные подростки и их, порой, еще более трудные родители, то и дело протискивались на беседу в Дашину отдельную коморку, которую по первой просьбе ей и предоставила директор. Не в общем же кабинете завучей подросткам делиться своими проблемами.

На большой перемене в двадцать шестом кабинете уже собралась компания. Дарья зашла, негромко со всеми поздоровалась и села за свободную первую парту в третьем ряду у стены. За учительским столом сидела директор школы – аккуратная невысокая шорка¹ с тугим пучком черных волос, Чульжанова Элла Андреевна. За первой партой – завуч по воспитательной работе Анна Константиновна, строгая и серьёзная учительница старой закалки, которую поба-

¹ Шорцы – тюркоязычный народ, живущий в юго-восточной части Западной Сибири, а также в некоторых смежных районах Республики Хакасия и Республики Алтай, Красноярского и Алтайского краёв

ивались все. Вот и мама Софьи Зориной – Юлия Николаевна – Анну Константиновну опасалась, но, пока все рассаживались, не переставала негромко ворчать себе под нос. Её вызвали в школу второй раз за месяц прямо с работы и всё из-за какой-то ерунды. Подумаешь, татуировка, она и сама дома с этой дурочкой малолетней разобралась бы. Зачем нужен был такой концерт? Родительница сначала сильно придвинула стул к ребру парты, потом отодвинулась. Крутилась из стороны в сторону, не знала, куда деть сумку и постоянно переключивала её с парты на колени и обратно.

Рядом с матерью сидела и сама Софья. Обычная девочка и средняя ученица, не выделяющаяся из толпы одноклассников ни в хорошую, ни в плохую сторону. И до истории с неожиданной розовой челкой, цвет которой уже успел смыться, в поле особого внимания она не попадала. Дарья глянула на неё сбоку и увидела только сутулую фигурку в стандартном форменном синем жакете поверх серой водолазки. Разве что вместо юбки она надела брюки, но это не было запрещено. Типичное для подростков каре неопрятно отросло и висело рваными сосульками. Софья смотрела в одну точку на доске напротив, в правом ухе девочки Дарья Владимировна заметила черный наушник.

Чуть опоздав, подошла классная руководительница седьмого «Б», Наталья Сергеевна, торопливо со всеми поздоровалась, и педсовет начался. Аккуратно и сдержанно Элла Андреевна рассказала: для всех них это чрезвычайное происшествие и по уставу школы наносить татуировки ученикам нельзя.

– Да где это видано?! Ты же девочка! Такая молоденькая, красивая... а это же навсегда! – постоянно вставляла реплики завуч, поджимая губы после каждой фразы. – И на тебя смотрят младшие ученики!

– Ну, хотя бы не на видимых частях тела, если обойтись без них никак невозможно. Соня...

– Да что значит «обойтись невозможно»?! – Зыркнула на директрису завуч, ей никогда не нравился её чересчур мягкий подход к важным вещам. – Это что, такая большая необходимость? Что это вообще может значить? Этот зигзаг на твоём лбу? – спросила Анна Константиновна у Софьи, а потом глянула на классную руководительницу. – Что, если это какой-то знак? – она выразительно вскинула брови, как будто хотела, чтобы учительница поняла её с полуслова. – Как с этими, в шестнадцатом году, ну вы поняли.

Наталья Сергеевна действительно поняла. Она удивленно посмотрела на завуча, а потом с сомнением на Софью Зорину, от которой никаких тревожных сигналов не исходило. В самый пик волны групп смерти в школу прислали большую методичку по выявлению детей, находящихся в уязвимом положении. Дарья по распоряжению руководства целый год тестировала детей по этой методичке, и что-то ей подсказывало, что у Софьи Зориной дело было не в этом. Даша посмотрела на классную руководительницу и легко помотала головой и ей и самой себе: вряд ли, конечно, но всё равно нужно будет поговорить и проверить это.

Юлия Николаевна на переглядывания педагогов не обратила внимания. Она была занята тем, что то и дело тыкала дочку локтём вбок и что-то шипела на левое ухо, в нём, видимо, не было наушника. Соня на каждый тычок задерживала дыхание и прикусывала воспалённый от трещины уголок губы. Второй рукой мать вцепилась в сумку и, наконец, остановила её на своих коленях. Она была очень раздражена и как будто даже опережала неприятные замечания, поспешно дёргая девочку: «Слышишь, что тебе говорят?!», а лицо явно выражало: «Слышишь, что они говорят мне?». Дочь на неё ни разу не взглянула и только глубже втягивала голову в плечи, как будто плечом пытаюсь между собой и матерью поставить преграду. Ни одного реального слова педагогического коллектива ни до матери, ни до дочери на самом деле не долетали. Мать замечания превращала в собственные претензии и яростным шипением вливала их в ухо девочки: «Что ты меня вечно позоришь? Чего тебе еще надо-то от меня?». Софья всеми

силами концентрировала внимание на школьной доске, Дарья заметила, как у неё дёрнулся подбородок.

– И что же нам теперь с ней делать? – риторически спросила завуч и сердито оглядела всех присутствующих.

– Строго говоря, теперь уже ничего не сделаешь... – со вздохом протянула Наталья Сергеевна. – Разве что выводить эту татуировку.

– Выводить татуировку сразу же нельзя, – проговорила директриса, сделав вид, что не замечает удивлённые взгляды остального коллектива. – Давайте, пока что Софья просто попробует прикрывать её челкой? Конечно, мы не можем одобрить такое поведение. Конечно, это нарушает наши правила и может дезорганизовать учебный процесс. Но в тоже время для нас и для вас, – Элла Андреевна кивнула в сторону родительницы Зориной, которая очень напряженно водила головой из стороны в сторону, – важным должен остаться ребёнок и его неотъемлемое право на образование и, в какой-то мере, принятие. Мы, София, очень надеемся, что ты на этом остановишься и перенаправишь энергию в несколько иное русло.

Дарья словам директора кивнула, обрадовавшись, что никаких советов провести девочку по психолого-педагогическим комиссиям не поступило. Единственное, что Элла Андреевна еще добавила:

– Но с Дарьей Владимировной всё же прошу пообщаться.

Мать сказала, что ей сегодня некогда больше ни с кем тут разговаривать. Очень обрадованная тем, что перемена и педсовет, наконец, закончились, она засобиралась. На прощание ткнула дочку пальцем в плечо: «Дома еще у меня...», – но не договорила, зыркнув на Дашу, и ушла.

Софья Зорина тоже наверняка очень хотела поступить как мать, и сбежать подальше от неприятных разговоров. Но пока что за неё всё решали другие люди. Проводили в Дашин кабинет, где Соня села на стул перед столом, скрестив руки на груди. Дарью это не смутило, даже наоборот: наконец Софья отмерла и начала проявлять какие-то эмоции, кроме пустого взгляда в стену, а Даша могла получше рассмотреть злополучную татуировку. Это был не самый аккуратный, расположенный наискосок зигзаг над правым глазом у самых волос. Он своей нижней резкой линией перечеркивал маленькую букву «о». Казалось, кто-то набил его неумелой и нетвёрдой рукой, но старательно.

– Татуировка как татуировка, – спокойно и без сюсюканий проговорила Дарья, опустив «мне она нравится», потому что Соня всё равно не поверит. – Хорошо, что это не какие-то китайские иероглифы.

– Иероглифы – отстой, – заявила Софья и осуждающе помотала головой.

– Еще и непонятно, что написано, – согласилась Даша. – А вдруг какая-нибудь дичь, да?

– Все просто набивают одинаковое, даже не знают, что.

– У тебя вот что-то в стиле Гарри Поттера. Необычно.

Софья дёрнула бровями и смерила психолога долгим взглядом.

– Ну да... – вяло протянула она, всё еще сбоку глядя на Дарью Владимировну, как будто не могла поставить рядом мальчика-волшебника и школьного психолога.

– А где ты такую набила? В «Авроре»?

«Авророй» назывался единственный большой торговый центр, в котором по выходным и вечерам прохлаждались подростки. Помимо магазинов и стандартного фудкорта, там был кабинет массажа, студия маникюра и тату салон. Софья на такое предположение фыркнула и отвернулась, её всю как будто передёрнуло.

– Ага, конечно, в «Авроре», – раздраженно сказала она, попинав ногой лямку рюкзака, который поставила на пол у стола. – Когда это мне туда ходить? Я тут в школе торчу целый день, а на выходных в эту деревню убогую еду к бабке.

– В деревню? – Дарья не обращала внимания на злость, которую девочка так ярко хотела показать. А может, и действительно её испытывала. Злость, обиду, непонимание... что это может быть еще? – Ездишь на выходные в деревню отдыхать?

– А там чего, можно отдыхать? – у Софьи брови саркастично встали домиком, и длинная нижняя линия татуировки на лбу нервно дёрнулась. – Мать меня туда отправляет с бабкой сидеть. Каждые грёбаные выходные, в этот дурацкий Тургалой.

– Тургалой? – заинтересованно спросила Дарья. – Там сейчас всё так плохо?

– Ну, обычно хреново, да, но и нормально бывает. Лучше уж там... – сказала Софья, поджав губы и глянув в сторону. Дарье показалось, что она отвечала на какой-то свой вопрос, а не на заданный. – Но когда у мамы выходной, я бы...

Софья прервалась, услышав, что на столе психолога завибрировал телефон. Даша быстро глянула на дисплей и с удивлением увидела имя звонившего: «Кирилл Т». Кирилл? Наверное, звонит, чтобы узнать, как Даша вчера перевезла Татьяну с детьми, но этот звонок очень не вовремя. Позже с ним поговорит. Отклонив вызов, Даша снова вернула внимание Софье.

– Я тоже бывала в Тургалое. Жила там, училась в школе.

Софья впервые за разговор с интересом посмотрела на психолога, у неё даже руки сами собой из замка на груди спустились на колени. С трудом верилось, что кто-то еще, кроме бабки и толпы пьяных пацанов на мопеде, там может быть. Особенно такая молодая учительница, которая знает про Гарри Поттера.

– Не знаю, что там когда-то было... сейчас там срань, – быстро сказала она и испугалась резкости слов. Но Дарья Владимировна не обратила на это внимания и просто понимающе кивнула. – Я не хочу туда ездить, – спокойнее сказала Софья, расслабив брови и чуть искоса поглядывая на психолога.

– Да, мне кажется, девочке там может быть скучно, – согласилась Дарья и хотела еще что-то добавить, но тут во второй раз позвонил Кирилл. Она снова поспешно отклонила вызов. Но быстрее, чем она успела что-то еще девочке сказать, участковый позвонил еще раз. Это был уже третий звонок подряд. Слишком много для человека, который прежде звонил несколько раз в год.

– Извини, пожалуйста, мне нужно ответить на звонок. Мне кажется, это важно... – извинилась Дарья Владимировна перед девочкой и, не заметив, как та удивленно на неё глянула, взяла трубку.

– Наконец-то! Слушай, не перебивай, – без приветствий быстро проговорил Кирилл, тяжело дыша в трубку. На заднем фоне ему кто-то строго сказал: «Телефон уберите», но он не послушался. – Утром был отпущен Шохов. Как-то он узнал, куда увезли вчера его жену и... – Кирилла снова перебило настойчивое требование «Телефон уберите! Нам помощь-то вам как оказывать?!». Кирилл выругался и рявкнул: «подожди ты! Мне надо оперативную информацию передать! Там человек...»

– Кирилл?

– Да. Шохов вооружен, – Кирилл замолчал на мгновение, тяжело втянув воздух сквозь зубы, – опасен и направляется к жене. Там явный преступный умысел... будет... – Кириллу как будто стало трудно говорить, за ним снова послышались строгие голоса. Полицейский выдохнул в трубку, – ладно, давай, – и сбросил звонок прежде, чем Даша успела что-нибудь ему ответить.

Еще пару секунд подержав телефон у уха, Дарья озадаченно подняла голову и поняла, что пока она разговаривала с Кириллом, Софья взяла рюкзак и очень тихо ушла. Нехорошо получилось, конечно, а ведь так удачно разговор начался. Но сейчас уже ничего не поделаешь. Не догонять же подростка и не заталкивать силой в кресло. Она еще успеет с Софьей поговорить, тем более, нашлась общая тема.

А сейчас надо бы позвонить Татьяне и предупредить её о муже. Дарья быстро набрала номер, который она продиктовала вчера, но он оказался выключен. Точно-точно, Даша же сама сказала ей это сделать. Но не тратя время на упрёки самой себе, Даша набрала номер руководительницы «Зимовья». Но её телефон тоже не отвечал, и это было уже тревожно. Оглядевшись вокруг, Дарья не придумала ничего лучше, чем собраться и поехать туда лично. Пришлось совершить еще один звонок директору школы и предупредить о том, что нужно отлучиться.

«Да, конечно, – согласилась Элла Андреевна. – А как там наша девочка? Разговаривает?.. Ну и хорошо».

Поблагодарив директрису за понимание, Дарья быстро собрала свой маленький рюкзак, оделась и вышла. По пути она еще раз набрала руководительницу реабилитационного центра и на этот раз она ответила.

– Людмила Северовна, здравствуйте. Мне сообщили, что буйный муж моей Татьяны решил с ней повидаться.

– Где? В центре? – тут же тревожно протараторила Людмила, прекрасно зная, чем это заканчивается. В их центре нет никакой охраны, только камера наружного наблюдения для фиксации передвижений. – А как он?.. Ладно, – тут же, не дав ответить, деловито перебила саму себя Людмила, – там пока что Лиза, я сейчас тоже подъеду. Если что, вызову полицию.

– Я тоже сейчас буду, – коротко проговорила Дарья, и Людмила завершила звонок. Она вообще была резкой и деятельной женщиной, не любящей тратить время и долго о чем-то понятном разговаривать. Чаще ей приходилось действовать и быстро принимать решения. Поэтому после разговора с руководительницей центра, тревожность Даши немного унялась. Сейчас они приедут и вдвоём смогут решить эту проблему.

Чтобы быстрее добраться до места, Дарья вызвала такси. Хоть ехать и предстояло не больше десяти минут и обычно это расстояние легко можно было пройти пешком, сейчас нужно было поторопиться. Но таксист, как назло, долго не приезжал, а потом, как назло, стоял на всех светофорах, но, в конце концов, остановился у небольшого старого здания детского сада. Когда-то оно было выкрашено весёлой голубой краской, но она облупилась и смылась под дождями вместе с крышей, частью коммуникаций и асфальтом вокруг. Это постаревшее здание было ведомственным садиком от большого городского ткацкого комбината. Но потом и комбинат закрыли и сад, построенный вместе с комбинатом в середине двадцатого века, стал аварийным. Детей там больше никогда не было и со временем здание облюбовали бездомные взрослые и бегающие из семей подростки. Администрация в рамках акции «Год защиты семьи и детства» решила сделать широкий жест, и, наконец, предоставила небольшому центру «Зимовье» бесхозное здание в соцнайм. Это очень оценили на федеральном уровне и даже прислали грамоту, подписанную губернатором. А когда Людмила с помощью денег государственного гранта смогла сделать кое-какой ремонт, да поменять старые, деревянные окна второго этажа на пластиковые, администрация города на фоне обновлённого садика сфотографировалась, и один из замов зама даже дал интервью местному телеканалу. Правда, через полгода после этого глава соцдепартамента попытался переселить центр в другое здание на окраине, но Людмила посоветовала ему перенести своё рабочее кресло в тайгу, чтобы такие рациональные предложения до нормальных людей не доходили.

Дарья вышла из такси у огромной, полной грязи выбоины. Она заледенелыми барашками раскинулась от одного края подъездной дорожки до другого. Никакого положенного детскому саду забора тут не было, как и других металлических конструкций детских площадок – их давным-давно срезали и продали. Силами работников центра на площадках посадили несколько кустов сирени и два дерева черёмухи. Сейчас эти тоненькие, маленькие деревца растопыренными ветками угрожающе качались на ветру, как будто хотели испарпать всех, кто подойдёт слишком близко. Но Дарья их не боялась. Она сама привезла махонькую черёмуху из Тургалоя два года назад и посадила на участке.

Даша торопливо прошла по широкой дорожке, стараясь цепляться ботинками за вмёрзшие в землю чужие следы. Ночью подморозило вчерашнюю кашу льда и грязи, а сегодня с утра её подленько припорошило снегом. Дважды поскользнувшись, но устояв, Дарья дошла до здания и завернула за угол, к входу. И тут она увидела мужчину. Он бодро и очень целеустремлённо шел, втаптывая мелкий редкий снежок в землю.

Действующий вход в бывший детский сад был один. Мужчина, который успел уже кругом пробежаться и раздраженно подёргать за ручки всех имеющихся дверей, это тоже понимал и поэтому не сбавлял хода. Дарья остановилась, чувствуя, как воздух вокруг становится ледяным, а тревога оседает, как влажность, её даже можно втянуть носом и закашляться. Слова Кирилла тут же всплыли в памяти и оформились в один образ. И хоть Даша с Шоховым вчера разминулись, сейчас она была точно уверена – это он. И он действительно опасен. Это видно по развороту плеч и наклону головы: мужчина как будто лбом встречался с ветром и разрезал им пространство вокруг себя. Даша рефлекторно оглянулась, в поисках помощи или укрытия на всякий случай, но на улице больше никого не было, и только голые, колкие кусты с заплатками не облетевших листьев тянули к ней корявые ветки. Мужчина, дойдя до небольшого крылечка под треугольной крышей, остановился. Задрал голову, посмотрел по окнам. Развязно пнул комок грязи в сторону двери.

– Танька! – заорал он, чуть отшатнувшись назад, чтобы увидеть кого-нибудь в окне. – Вылезай, овца! Куда ты удрала? Ментам меня сдала и пошла по мужикам скакать, вон чё. Я те чё, лох ушастый?! Выходи давай, я даже не пьяный! Поговорим, чё. Танька! Эй! – он громко свистнул и шархнул ногой в металлическую дверь.

Дарья вздрогнула. Обычно такие представления она наблюдала из окна центра, а вот так почти нос к носу с буянившим мужчиной оказывалась не часто, но каждый раз это пугало и изумляло. Каждый раз хотелось самой себе сказать: нет, это невозможно, ну не будет же он прямо тут нападать?.. Но сомневаться не приходилось. Не удивительно, что Татьяна была запугана и даже разговаривать о нём боялась. Надо бы отойти за угол, чтобы своим видом не провоцировать усиление агрессии, но в этот момент Шохов её заметил.

– Эй! Ты чё, отсюда? – мотнул он головой в сторону двери, как собака, и сделал два шага вперёд.

Даша резко начала перебирать в голове все базовые правила безопасности. Как говорить, что говорить, не кричать, не делать резких движений, не поворачиваться спиной, как перед ничего не соображающим агрессивным животным... Кажется, от этих мыслей у неё за спиной в разной высоте взвыли два тревожных полицейских спецсигнала. Они приближались сзади, а Шохов уверенно наступал спереди.

– Чего у вас тут двери закрыты везде? Как крысы сидят там.

– Такие правила, – спокойно проговорила Дарья, сглатывая напряжение. Оно сухой острой крошкой провалилось в горло. Нужно оставаться спокойной: тихий вдох и спокойный медленный выдох.

Мужчина пробежался по Даше взглядом сверху вниз, как будто выбирая, как до неё лучше донести, что она не права.

– Хреновые правила, чё. Мою жену там закрыли и не выпускают! Это нормально? Я просто хочу поговорить.

Да уж, просто поговорить, Даша таких переговорщиков уже видела. Просто поговорить, а перед этим выломать дверь, потом переломать пару рёбер, выбить пару зубов и только после этого поговорить о том, как недостаточно внимательно и уважительно его слушали и этим вывели из себя.

– Я думаю, ваша жена там в полном порядке, – миролюбиво предположила Дарья и подавила желание сделать шаг назад. Шохов криво усмехнулся и сплюнул прямо на крыльцо.

– Да я гляну и уйду. Открой дверь-то.

– Я не могу, – честно сказала Даша, чувствуя, как под тонкой, продуваемой осенней курткой у неё к пояснице прилипла рабочая рубашка. – У меня нет ключей...

– Да ты чё... Правда, что ли? – мужчина резко и вопросительно дёрнул плечами и чуть наклонился вперёд. – Какого хрена меня за придурка все держут?! – сорвался Шохов и визгливо закричал, размахивая руками. – Чё ты тут посёшься тогда?! Ааа. Это ты та паскуда, да?! – рявкнул он, и Дарья сразу же поняла, что он хотел сказать. Сделала один шаг назад, а он сделал два широких к ней. – Вчера тёрлась там с этим мусором, залезла в мою семью, слышь! Ты мне сейчас всё расскажешь!

Шохов резко дернулся в сторону Дарьи, она отступила еще на шаг и напоролась спиной на угол здания. Злобные мужские вопли сливались с окружающим паническим визгом, перебиваясь гулкими ударами сердца и резкими, короткими выдохами. Сейчас он сделает еще один шаг и схватит её. Дарья сжала в кулак связку ключей от дома и скользнула спиной по стене, когда визг в ушах отделился от мужских воплей и превратился в сирену. Две оглушающие полицейские машины свернули с главной дороги и, игнорируя клумбы, влетели прямо на участок. Дарья только сейчас поняла, что этот фоновый визг стоял не в её голове, а был полицейской сиреной. Она удивлённо проследила взглядом за машиной, которая пронеслась мимо. Шохов развернулся и бросился в сторону. Но машины были быстрее. Перерезав ему путь, первая остановилась и из неё выскочили двое полицейских. Еще двое выскочили из второй машины. Шохов дёрнулся от одной машины к другой, поскользнулся и рухнул на землю. Тут же на него навалились двое крепких ребят. Еще двое оказались рядом на всякий случай.

– Фамилия, имя отчество, – потребовал сотрудник, стоявший на ногах.

– Шохов Виталий Николаевич. А чё я нарушил то?! – рявкнул Шохов, но заткнулся, когда его быстрыми движениями начали обыскивать. Паспорт, ключи, три купюры бумажных денег, номиналом тысяча рублей, пятьсот рублей и сто рублей, две банковские карты, а так же карманный складной нож...

– ... с бурыми потёртыми следами, внешне похожими на следы крови, – прокомментировал оперативник, показывая оружие всем присутствующим и даже Дарье. – За что задержаны знаете?

Шохов отрицательно елозил головой из стороны в сторону, сдирая кожу лица о ледяную корку.

– Не надо брыкаться, гражданин, – почти вежливо сказал полицейский, крепко фиксируя локоть буйного Шохова. – Вам придётся проехать с нами, Виталий Николаевич, для выяснения обстоятельств совершения преступления.

Второй полицейский быстро сковал руки задержанного наручниками, после чего оба сотрудника поставили Шохова на ноги и бодро увели в УАЗ. Всё, что обнаружили в карманах упаковали и забрали, взяв у Дарьи подпись и контактные данные. Полицейские сработали насколько быстро, что Даша сразу и не сообразила, откуда у буйного мужика нож «со следами, похожими на кровь». И только когда обе полицейские машины уехали с территории центра, вдруг встрепенулась и подумала: на кого это он успел напасть?..

Дарья почувствовала, будто угол здания всё еще давил на неё, вжимая быстро бьющееся сердце в передние рёбра. Она догадалась, но ответить на этот вопрос самой себе не смогла, даже мысленно. За металлической дверью лязгнул тяжелый засов, запирающий изнутри. На улицу выглянули две взволнованные женщины, Катерина и Ульяна. Они кутались в куртки и нервно приглаживали волосы, но ветер их всё равно швырял из стороны в сторону.

– Даша, с вами всё в порядке? – обеспокоенно спросила одна из них, что была помоложе, оглядывая бугристые следы от полицейских машин на газоне. – Мы с Улей так испугались... У нас там ваша новенькая рыдает, не останавливается.

– Я в порядке, Катя, – ответила Дарья, пытаюсь понять, правду она сказала, или только притворилась, чтобы не пугать и без того перепуганных женщин. Для них здесь каждый неосто-

рожный крик мог отменить всё, чего добились целая группа равнодушных людей. Что уж говорить о буянившем неуравновешенном мужике. Даша посмотрела на Катю, два раза глубоко втянула морозный, почти зимний воздух, и зашла в здание.

На первом этаже центра помощи было чуть теплее, чем на улице. Через старые деревянные окна задувал ветер, а зимой подоконники покрывала наледь, на которой подопечные центра хранили продукты. Но несмотря на холод, в коридорчике стояла Лиза в кофте, а рядом с ней Татьяна в одной серой футболке. Она громко рыдала в зелёное младенческое одеяльце Павлика, тревожа его и пугая. Рядом с ней, цепляясь за колено, стоял притихший Петя. Полицейские машины, которые только что забрали его отца, теперь не казались такими интересными и завораживающими, как вчера. Даша глянула на Татьяну, поздоровалась, снимая куртку, но она не обратила внимания, крепко зажмурившись. Она так и не смогла открыть глаза и посмотреть в окно на буянившего мужа точно так же, как не смогла вообще не обращать на него внимания и остаться в комнате на втором этаже.

– Ну, ничего, – ласково погладила её по плечу Лиза и выразительно посмотрела на Дарью. – «Я заснял, я заснял», – сказала она в своём стиле и подняла большой палец вверх. – Как обычно у нас здесь кино про неадекватную и доблестную полицию, всем понравится.

– Давай это попозже обсудим... – предложила Дарья, потому что знала, поток Лизиних идей не остановить, а голова сейчас была забита другим.

Лиза согласно кивнула, осторожно развернула Татьяну и под руку повела её наверх. На втором этаже были жилые комнаты и новые пластиковые окна, которые сохраняли тепло.

Но прежде, чем подняться, догоняя ушедших женщин, Даша взяла телефон и набрала звонившего сегодня Кирилла. Он не ответил ни на первый звонок, ни на второй. Сознание тревожно подкидывало строгие фразы об оказании помощи где-то на фоне Кирилла и сопоставляло их со всем, что сейчас произошло. Но Кирилл и в третий раз не ответил. Да что ж такое, почему же он не отвечает... Дарья решила поискать в интернете телефон отделения, в котором он работал. Там трубку сняли с первого же гудка.

– Здравствуйте. Могу я узнать, работает ли сегодня участковый Тургаев Кирилл Ильич? Он мне звонил и просил с ним связаться, – немного приукрасила Дарья, чтобы её точно выслушали.

– Представьтесь, – строго проговорили на том конце.

– Осокина Дарья Владимировна.

Полицейский несколько секунд молчал, наверное, фиксируя данные звонившего, а потом резко бросил в трубку:

– Информацию не предоставляем, – и отключился.

3

Каждая из шести групп бывшего детского сада сейчас была разделена гипсокартонной перегородкой на две комнаты. В таких комнатах обычно помещалась взрослая и детская кровати, стол, комод или шкаф, небольшой холодильник. Женщины через какое-то время жизни в тишине и спокойствии начинали обустраивать свои временные жилища. Покупали шторы и пледы, сажали цветы и ставили их на окна в красивых цветастых горшках.

Такой была и комната Татьяны, правда без цветов. Дарья зашла и поняла, что с вечера в ней мало что изменилось. Точно так же стояла неразобранной сумка с одеждой у двери, на кровати аккуратной стопочкой постельное бельё. А под кроватью лежал Петя.

Татьяна нервно пыталась натянуть на младенца ползунки, но он кричал, дёргая ногами и у матери ничего не получалось. Длинная, совсем растрепавшаяся коса постоянно соскальзывала со спины на ребёнка. Татьяна её резким движением откидывала, но она всё равно скатывалась. Через несколько попыток она бессильно отшвырнула от себя детскую одежду. И тут же, не останавливаясь, взялась хаотично перекладывать стопку постельного белья. Пододеяльник под простынь, на простынь квадратик наволочки, но потом снова всё переложила. Раздраженно и сдавленно бросила сыну: «Вылезай из-под кровати!», но тут же забыла об этом требовании. Павлик, не переставая кричал, и Татьяна, наконец взяла его на руки, чуть-чуть согнувшись как от боли.

«Наверное, ей тяжело держать его на руках, всё-таки она совсем недавно родила», – подумала Дарья.

– Как ваши дела? – спросила она, понимая по её беспорядочным, нервным движениям, что дела вряд ли улучшились. – Как вы переночевали?

Татьяна на секунду остановилась, а потом медленно повернула голову и посмотрела на Дашу через плечо. Лицо у Тани было отёкшее с синяками под глазами. Выражение испуганное и непонимающее. Со вчерашнего вечера она не поменяла перепачканную молоком футболку, не расчёсывалась и, казалось, совсем не спала.

– Как вы переночевали? – тем не менее повторила Дарья, чтобы завязать разговор нейтральной темой и, как вчера, села напротив на табуретку, которую вытащила из-под стола.

– Переночевали?.. – вопросительно протянула Татьяна. Она выжидающе смотрела на Дарью, не понимая, почему та просто сидит напротив и спрашивает о какой-то ерунде. – Я даже не знаю. Я просто... Мне казалось... Это просто кошмар! – сорвалась в крик Татьяна и голос её задрожал. Петя под кроватью, слыша эти интонации, сжался в крючок, засунув голову между коленками.

– Что «кошмар»?

– Как что? Вот это всё! Только не надо меня учить, не надо! – испуганно выкрикнула Татьяна, хотя Дарья и не думала её ничему учить. Она только чуть дёрнула бровями, вовремя подавив желание непонимающе нахмуриться. Таня затравленно окинула взглядом небольшую комнатку, и Даша поняла, что она боится. Боится, и думает, что Дарья пришла её отчитывать за вопли Шохова под окнами?

– Татьяна, но вы...

– Я не виновата! – перебила она Дарью раньше, чем та успела бы её обвинить, и встряхнула младенца. Татьяну крупно затрясло, у неё задрожали руки. Дарья поёрзала на неудобной табуретке, борясь с желанием забрать у Тани ребёнка, чтобы она его не уронила. – Я не хотела, чтобы он приходил сюда! Вы там можете что-то говорить, ты ведь поэтому пришла? – швыряла Татьяна в Дарью слова, лишь бы она не смогла вставить хоть одно своё. – Но не надо мне ничего! А я не хотела, я просто не могла – он орал!

– Татьяна, вы не виноваты в том, что он сюда пришел и устроил скандал, – попыталась Даша успокоить её, но Таня уже ничего не слышала.

– Он позвонил и начал орать, что я шлюха, ушла по мужикам, я... – Татьяна, наконец остановилась, громко выдохнула и опустилась на кровать, болезненно согнувшись. Сытый Павлик, наконец замолчал, сердито насупился.

Впервые за это утро младенец замолчал. До этого он всю ночь кричал, тряся ручками, и никакого спокойствия, которого ей обещали, Татьяна не почувствовала. Она ходила из угла в угол небольшой комнатки, ожидая, что обманчивая тишина центра скоро разобьётся. Но когда это случилось, Татьяна задохнулась от страха. Она не послушала Дарью и не спрятала телефон подальше, и он кричал и мигал прямо тут: муж звонил и звонил, и звонил. Она следила за каждым миганием экрана и сообщение: «Возьми трубку! Где ты шляешься, тварь?», прочитала. Вздрогнула как от удара и отвернулась, прикусив большой палец. Малыш на груди ёрзал, вертел головой туда-сюда и Татьяне казалось, что она привязана и никуда не может отойти от него и от телефона.

Виталий закидывал жену сообщениями и долбил звонками. Малыш от этих звонков постоянно кричал, Татьяна пыталась дышать медленно и глубоко. Но выдохи вырывались короткие и свистящие, в голове мутилось, и ей безумно хотелось заткнуть телефон. Послушаться Дарью, но что она знала о Виталике? Ничего! Она тут останется в своей белой рубашке, а Таня потом к нему вернётся. Куда она с двумя детьми? – он в этом прав. Сейчас она пересядет бурю, а потом всё равно придётся вернуться. Может, она просто скажет, что уехала на время? Все ведь уезжают на время, к маме, например. Просто ему нужно объяснить...

Когда он позвонил в очередной раз и телефон в унисон с младенцем заорал, Татьяна зажмурилась и не выдержала. Она просто объяснит ему.

Но объяснить ничего не получалось. После первого же крика: «Ты где, шалава?!», – Татьяна забыла всё, что хотела успокаивающего ему сказать. Ей не хватило сил даже на то, чтобы пожалеть о решении взять трубку, она снова разрыдалась и могла только кивать и коротко бросать слова, как слёзы: «нет-нет», «какие мужики...», «Виталья», «я просто...», «нет! Это не я!».

– Я тебя спросил, тварь, куда ты свалила?! Мать видела, что ты ночью срулила с этим мусором, охренеть, чё! Я тебе башку сверну! Пока меня там прессовали эти!..

– Да я не с ним!..

– А с кем?! Где, я спросил?!

– Я тут с Петей и Павликом...

– Где?! Говори, где!

– Да в центре! Для женщин! Тут нет никаких мужиков! Я не сбежала, Виталик! Не сбежала! Просто...

– Просто... просто... – голос Татьяны надломился, ей больше не хватало сил, чтобы кричать и пытаться кого-то обвинять.

Дарья внимательно смотрела и слушала, понимая, что Татьяна не в себе. Она боится каждого слова и каждого действия. Боится, что её будут обвинять и того, что за обвинения обычно следует, тоже боится. Просить её не отвечать на телефонные звонки, наверное, было слишком.

– Просто я хотела, чтобы он отстал от меня, – тихо проговорила Таня, с усилием поджала дрожащие губы, но не сдержалась. Плечи Татьяны дрогнули, она опустила голову, прислонившись лбом ко лбу Павлика, и разрыдалась.

Дарья почувствовала, как у неё съезживается нутро. В этой комнате за несколько лет существования центра сидело немало испуганных и плачущих женщин, но именно Татьяну Даша сама, по своей инициативе выдернула из кривого, но понятного ей мира.

– Не нужно было приезжать сюда, – едва могла говорить Таня, захлёбываясь и вытирая нос горловиной футболки, намотанной на палец. – Мне нельзя было уезжать, теперь всё будет только хуже. До утра бы всё утряслось. Я бы Пете объяснила, что нельзя! Нельзя трогать его стол, он бы понял, он же умный мальчик! А теперь что?

А теперь она в чужом, непонятном мире. Татьяна точно знала, как реагировать на все визгливые интонации Виталика. Или чего ждать от многократно соскальзывающего по замку входной двери ключа перед тем, как он войдёт пьяный и злой. Или как свернуться, чтобы удары не попадали по голове.

– Я больше ничего не понимаю... – рыдала она, покачиваясь с младенцем в руках. – Что теперь будет?

Даша бесшумно протяжно выдохнула носом, а потом встала с табуретки и под села к Татьяне, мягко положив ладонь на её согнутую спину.

– Теперь мы можем попробовать всё наладить, чтобы вы перестали бояться.

– А как это? – резко оборвала Дарью Татьяна, как будто стеганув ремнём. И, не дав ей ответить, снова спросила, развернувшись к ней всем телом. – Скажи, ты такая вот... Почему он тебя не ударил? – Почти зло глянула Татьяна на Дашу. – Почему меня он таскает за косу по коридору, а тебя не тронул?

– Он бы меня обязательно ударил, – уверенно ответила Дарья, ни секунды не раздумывая над вопросом. Ей не нужно было ничего придумывать, чтобы утешить Татьяну и сказать то, что ей хотелось бы услышать. – Повалил бы на землю и пинал ногами. Просто мне повезло, что приехала полиция.

– Повезло... – бессильным шепотом проговорила Татьяна и опустила взгляд.

– А всё потому, что дело ни в вас и ни во мне. Ни в детях, ни в том, что вы сказали не так или сделали. Дело в нём. Он просто хочет орать, бить и издеваться. Ему это нравится. Ему так хочется. И всё.

Татьяна с сомнением покачала головой и Дарье показалось, что она ей не поверила.

– Если б Виталик захотел, даже эти парни полицейские его не сдержали... Я вот никогда не могла. Он... Петя всегда так кричал, а он не останавливался, – едва слышно говорила Таня, так, чтобы сидящий под кроватью Петя не услышал, да и Дарья тоже не сразу поняла, почему в страхе в голосе впутывается вина. Но Даша всё слышала, впитывая каждое слово... что именно Татьяна хочет сказать?.. – Соседи стучали, я кричала. Хватала, пыталась держать... Он никогда не останавливался, – мотнула она головой и прикрыла глаза. – Он теперь еще сильнее будет злиться. Он мне это не простит.

– Вы в этом не виноваты, – мягко проговорила Даша, смутно догадываясь. Шохов избивал не только саму Таню, но и маленького мальчика.

Но Татьяна так и не поверила. Она, прижимая к себе младенца, испуганно шептала, что Виталик обязательно до неё доберётся и всё станет намного хуже для всех. И что Дарья в своей белоснежной рубашке ничего ему не сможет сделать, а полиция больше не придет. Даше только и оставалось, что ласково утешать Татьяну и просто дать возможность проговорить этот страх.

А потом к ним в комнату неожиданно открылась дверь и на пороге показалась стройная, невысокая женщина. Привлекательная, но строгая якутка средних лет в красном пончо с длинными кистями. Она принесла с собой прохладу и запах чего-то таёжного.

– Так. Здравствуйте! – громко она поздоровалась, шагнула через порог и огляделась, пригладив ладонью короткие, черные с проседью волосы.

Заплаканная, растрёпанная Татьяна сидела на кровати, и даже качать младенца перестала от удивления. Под кроватью, как большой бездомный кот лежал маленький мальчик. Он испуганно уставился на незнакомую женщину, но больше не пытался закрыть уши коленками, потому что мама тоже замолчала.

– Меня зовут Людмила Северовна, Север – Северовна. Ну, Людмила проще. А вы Танюша? Очень хорошо. А ты? – она присела на корточки и заглянула под кровать. Длинные кисти пончо легли на пол, и Петя не мог оторвать от них взгляд. – Ты котик?

– Я Петя... – не сразу и с сомнением сказал мальчик, но из-под кровати вылез, чтобы получше рассмотреть Людмилу со странным отчеством. – А мой братик Павлик.

– Здорово как, – улыбнулась Людмила Северовна, а потом достала из сумки большой мусоровоз и катнула его по полу. – Держи. Он даже поёт, а сзади открывается дверца.

Петя взял в руки большую, красивую игрушку и тут же забыл о госте с красными кистями. А она поднялась на ноги и точно так же просто и легко достала из сумки четыре упаковки больших ночных прокладок.

– А это маме, – проговорила Людмила, подняв модные узкие очки на лоб. Серые пряди обрамили скуластое, чуть резковатое лицо, которое, однако, не пугало.

Татьяна через паузу неуверенно протянула руку и взяла упаковки. Они ей действительно были еще нужны после родов, но вчера в суматохе все об этом забыли. Дарья видела, как Тане тяжело и непривычно осознать, что эта красивая, очень занятая своими делами женщина смогла о такой мелочи догадаться. Она что, подумала о ней? Позаботилась? Татьяна неловко поблагодарила и поспешно перевела взгляд на Павлика, потому что не знала, что ей еще сказать. Но Людмила у неё больше ничего и не спрашивала, дав время прийти в себя и привыкнуть к мысли, что одни люди могут просто заботиться о других. У Татьяны немного выпрямилась спина и перестал дрожать подбородок. Даша едва-едва улыбнулась и перевела взгляд на Людмилу, благодарно ей кивнув. Волшебной силой обладала Людмила Серова: она двумя фразами умела останавливать рыдания и простой, ничем не обязывающей заботой выводить из истерики.

– Видела твои приключения, Дашуль. Это ты успела вызвать полицию? С каких это пор они до нас так быстро доезжают?

– Нет, я не вызывала, Людмила Северовна. Это они сами...

– Ага, сами, с усами. И наручниками. Концерт, конечно, был... как всегда. Я в пробке по камере посмотрела. Но ничего...

Людмила не стала дальше продолжать, видя, как Татьяну передёргивает от её слов. Ей не хотелось, чтобы она снова рыдала и тряслась. Пусть лучше удивлённо смотрит и плохо понимает, что ей делать. В этом нет ничего страшного, они все, кто приходят сюда, не понимают, как дальше жить. Для того, чтобы это объяснить, Людмила Северовна сюда и пришла.

– Ладно, девочки. Надо думать, как дальше быть... Давайте-ка мне документы, какие есть, на себя и детей. У детей нет полиса ОМС?..

Людмила задавала много нужных вопросов быстрым, хорошо поставленным голосом. Есть ли прописка? Есть, это уже половина дела! Это уже огромная победа. Есть ли родственники? Нет? Ну, это не проблема. Была ли работа до декрета? С работой поможем. Состояла ли Татьяна на учете и где рожала? Умница, нельзя рожать черт знает где, потом инфекции, детская и материнская смертность и сплошной ужас. Вы оформили пособие на второго ребёнка? Материнский капитал? Детский сад для старшего?

– Ну, что же. Наш центр рассчитан на полугодовое пребывание, – деловито подытожила Людмила, записав всю информацию в свой ежедневник на странице буквы «Т». – Времени немного, конечно, но мы всё равно попробуем начать жить заново. Сначала нужно оформить детям недостающие документы. И к гинекологу, обязательно. Завтра же.

Под ворохом вопросов и деятельных распоряжений Людмилы Татьяна больше не успевала рыдать. Она надела свежую футболку и, кормя грудью Павлика, спокойно смотрела на Петю. Он не выпускал из рук новый мусоровоз и таскал из вскрытой упаковки шоколадные пряники.

Их принесла Катерина, чтобы спросить, как дела и немного поддержать новенькую. Ей сейчас было хуже всех, все в центре это понимали. Все в центре это проходили. Поэтому и пытались сделать что-то маленькое и простое, на что хватало сил, не произнося ничего здесь не значащих слов типа «всё будет хорошо». Потому что каждая в этом центре их слышала, чувствуя тяжелую руку на плече сразу после «я не хотел, ты меня сама довела».

К вечеру, поговорив с другими женщинами центра, Дарья засобиралась домой. Ей хотелось успеть добраться до темноты, но перед выходом Даша всё равно еще раз заглянула к Татьяне. Она как раз застилала кровать бельём, которое до этого только перебирала. Павлик, как будто чувствуя, что ситуация немного остыла, молча ворочался в пелёнке, пытаясь вытянуть из неё руки. Петя держался за уголки одеяла и помогал матери засунуть его в пододеяльник. Под подушкой на кровати лежал мусоровоз.

– Таня, я сейчас уже уезжаю, – тихо проговорила Даша и улыбнулась этому повседневному вечернему спокойствию. Приятно было осознавать, что и её слова смогли хоть чуть-чуть успокоить. – Может, вам что-то еще нужно?

Татьяна пожалала плечами, растерянно оглядываясь. Она не знала, как ей прожить завтрашний день, а уж о том, что ей еще может понадобится, тем более не имела никакого понятия. Вдруг завтра всё снова поменяется.

– Нет... вроде, – протянула она и глянула на старшего сына. Он тоже пожал острыми плечами: ему уже досталась игрушечная машина и пряники, это и без того было больше, чем обычно. Мальчик ни о чём другом не мог подумать прямо сейчас. – Нет, ничего, – помотала, наконец, Татьяна головой, но, когда Даша уже хотела попрощаться и закрыть за собой дверь, неожиданно спросила: – А если он завтра опять придёт?

Дарья остановилась в проходе, держась за ручку двери и прямо посмотрела на Татьяну. Одним вопросом её вернули к мыслям, которые Даша старательно отгоняла от себя, чтобы не растерять силы разговаривать и вникать в чужие страхи. За день от Кирилла не было никаких новостей, и волнение за него из маленьких деталей сложилось в большую уверенность – участковый попал в беду из-за Шохова.

– Знаете, я думаю, сегодня он столько натворил, что мы теперь не скоро его увидим, – сказала Даша, чувствуя, что в голосе её больше твёрдости, чем она хотела бы. Секунду посмотрев на Таню, которая мало что поняла, она кивнула: – Доброго вечера, – и закрыла за собой дверь.

«Доброго вечера» сказала Даша, но сама ничего доброго не чувствовала ни по отношению к себе, ни к другим. Дарья целый день подбирала осторожные слова, которые почему-то вязли в сознании, их приходилось силой выдирать. Говорила о недопустимости насилия, пыталась быть полезной и доброжелательной, не допуская до себя ничего лишнего. Но выйдя на воздух, Дарья смогла выдохнуть и признаться самой себе: какой-то смазанный диалог сегодня получился. Как-то всё было натужно и проблемно. У Даши сводило плечи от усталости и в голове звенело. Освободившиеся мысли тут же лихо закрутились в змеиные кольца беспокойства. Наверное, стоит обзвонить больницы, как только она вернётся.

Даша не стала ждать редкого, но прямого автобуса и поехала домой с пересадкой. От остановки к дому дорожка петляла через небольшой сосновый скверик с лавочками и абстрактным арт-объектом в виде вырастающих из земли капель. Иногда Дарья думала, что они значат, но не сегодня. Она торопилась домой, проигрывая в голове телефонный звонок, когда в потёмках резким шагом наступила в глубокую лужу одной ногой, и сразу же второй, не успев остановиться. Ледяная вода перелилась через край обуви и клыками впиалась в ступню.

– Ай, блин, блин! – Выпрыгнула Даша из лужи, отряхивая ботинки. Но они уже наполнились водой, и с каждым новым шагом её как будто засасывало в холодное, раздражающее хлюпанье. Совсем задумалась и даже про лужу забыла, которая тут уже десяток лет круглый год коварно плещется. Нужно под ноги смотреть, а то еще во что-нибудь вляпаться недолго. Дарья

мрачно оглянулась на лужу, переливающуюся льдинками под уличным фонарём, но потом мотнула головой, отгоняя от себя все лишние мысли, и быстрее пошла к подъезду. Прошлепав мокрыми ботинками четыре ступеньки до площадки первого этажа, Дарья открыла дверь в квартиру.

Дома было тепло и светло. Из кухни доносились голоса сериала и комментарии вроде: «да куда ты смотришь, ой, дура-девка?». Дарья быстро скинула ботинки и куртку. С трудом стянула промокшие насквозь носки и проскочила босыми ногами по полу в ванную, оставляя следы.

– Дарья? – донесся голос из кухни.

Она бросила мокрую одежду в корзину для белья и мимоходом заглянула в кухню.

– Привет, мам.

Мама сидела за столом с пультом в руке и смотрела телевизор. Это была жизнерадостная улыбающаяся женщина с открытым светлым лицом и чуть волнистыми короткими волосами, невнятного русого цвета. Когда-то симпатичные круглые щечки с возрастом чуть опали и плавно перешли в шею. К пенсии мама чуть поправилась, но ей это даже шло. Она оторвалась от телевизора и хотела улыбнуться дочери, но та уже исчезла из просвета коридора и только крикнула из глубины комнаты:

– Мам, ты же сегодня до семи дежурила?

– Да, до семи, – подтвердила мама и вошла в комнату, удивлённо глянув на дочь. Дарья ей кивнула и набрала только что найденный в поисковике контактный телефон третьей горбольницы. Она была первая в списке, поэтому Даша туда и позвонила, переминаясь босыми ногами на холодном полу. Хотя после второго гудка ей всё-таки пришла в голову мысль, что сначала можно было попросить маму узнать по своим каналам. Но сказать об этом Дарья не успела, на том конце ответили.

– Здравствуйте. Моего знакомого сегодня с ранением увезли на «скорой», но я не знаю, куда, – выдала она фразу, которую всё дорогу до дома обдумывала. – Не могли бы вы мне подсказать... а, Тургаев Кирилл Ильич, – ответила Даша на вопрос из приёмного покоя и замолчала в ожидании ответа, глянув на маму. Та очень удивилась и одним движением бровей спросила: что происходит? Даша мотнула головой, останавливая вопросы вслух и тут же нахмурилась: женщина из приёмного покоя ответила, что такого у них нет.

– Что случилось? – спросила мама уже вслух, когда Дарья поблагодарила и отключилась.

– Мне кажется, на него сегодня напали с ножом. Я целый день звоню, он не отвечает.

– Давай, я попробую, – тут же предложила мама свою помощь и без лишних слов схватила трубку домашнего телефона. Вообще-то, конечно, надо было с этого и начать, но Даше хотелось что-то сделать для Кирилла самой. Краем сознания, не подвластным правильным установкам типа «в насилии всегда виноват насилующий», Даша чувствовала, что в ранении старого друга и она виновата. Шохов взбесился из-за того, что Татьяна от него сбежала, и отыгрался на участковом. Поджав пальцы совсем замёрзших голых ног, Дарья расстроено выдохнула, с надеждой глянув на мать.

– О, Тома, привет, это Вера Осокина, – обрадованно проговорила мама в трубку. – Как смена? – смена у Тамары, видать, не задалась, потому что Вера долго понимающе кивала, но потом над чем-то рассмеялась. Даша нахмурилась. – Слушай. А не привозили сегодня к нам парня эээ... когда? – вопросительно кивнула она Даше.

– Часов в двенадцать где-то.

– В двенадцать часов? По скорой, да. Тургаев фамилия, Кирилл Ильич, так... – Вера призадумалась, вспоминая дату рождения парня, а потом глянула на дочь и тут же поняла, едва не стукнув себя пальцем по лбу. – Девяносто второго года, как Дарья моя. Посмотри, пожалуйста. Спасибо, да. Да куда там, Тома, какой зятёк, – с явным сомнением проговорила мама и вздохнула. Даша еще сильнее нахмурилась, этот весёленький тон ей совсем не нравился. – С

десяти лет они с Дашкой моей скачут по всем гаражам. Ну, это она сейчас серьёзная такая, – мама снова глянула на дочь. Дарья стояла, нахохлившись, сведя брови над упрямой переносицей. Если б не помощь, которую никто, кроме неведомой Томи в приёмном отделении пятой городской больницы не мог оказать, Даша точно высказала бы всё, что она думает о маминих словах прямо посреди разговора. – Ну так что? Нашла? – Дарья встрепенулась. Растеряла всю свою строгость и подалась вперёд, ругая старый домашний аппарат. Был бы мобильный, она бы всё сама уже услышала! – О, как хорошо! Это, получается, завтра можно будет в хирургию позвонить? Слушай, спасибо. С меня шоколадка, – улыбчиво проговорила мама в телефон, посмеялась ответной реплике и положила трубку.

Дарья замерла, во все глаза смотря на мать: ну? Что удалось узнать?

– В общем, в реанимации он, стабильно тяжелый... это нормально! – поспешно пояснила Вера, видя, как дочка испугалась. – Так про всех говорят, тем более, ему операцию сделали. Живой, даже в сознании. Может, завтра-послезавтра в хирургию переведут. А теперь давай, – Вера присела на диван, – рассказывай, что случилось у вас.

Дарья согласилась рассказать, но только сейчас осознала, что ноги заледенели на голом, холодном полу первого этажа. Зябко передёрнув плечами, она сказала маме, что найдет тапочки, вернётся и всё расскажет.

Сняв в своей комнате рубашку и брюки, Дарья переделась в домашний тёплый флисовый костюм. Сидя на кровати, она медленно и старательно натянула носки, потом так же медленно сунула ноги в тапочки, больше похожие на унты. Ноги начали согреваться, и Даша почувствовала, как тяжесть этого длинного дня отпускает, плечи расслабляются, а спина горбится колесом. Дарья поставила локти на колени и положила голову на ладони. Пальцы приятно взъерошили свободные от заколки волосы, и от затылка по всей голове разлилась тёплая волна. Она как будто освободила сознание от мрачного тумана, который целый день мешал ясно мыслить и слушать, и Дарью осенило. Она отняла руки от лица, почувствовав, как одна единственная мысль провернула чувства до щелчка. Всё вдруг встало на свои места. Вот оно что. Именно поэтому Даша была сегодня в разговоре с Татьяной такой непривычно для себя отстранённой. Старалась держать себя в руках, говорила правильные вещи, постно сопереживала и от этого сильно устала. Её не хватило на личное, эмоциональное участие, потому что между ними тревожно разворачивалась мысль: а вдруг Кирилл убил Танин муж, и они с ней этому поспособствовали?

Дарья выпрямилась, а потом рухнула спиной на кровать. Глупо как, разве она не профессионал? Разве она не должна держать себя в руках, потому что её этому учили, а сопереживать, потому что чувствует, что это правильно? Что ей хочется помочь тем, кому хуже. А сегодня что случилось? Беспокойство за старого друга настолько забило сознание, что за ним Даша не расслышала живую, растерянную женщину. Плохо как всё получилось, так нельзя. От чувства неловкости, чтобы отвлечься, Дарья поелозила головой по покрывалу, почесала лоб, надавила пальцами на зудящие глаза. Последняя резкая фраза «всего доброго» крутилась в памяти, заставляя болезненно шуриться. От неё за грудиной ныло, как ноет маленький, но болезненный порез о бумагу – хочется сжать ладонь в кулак и замереть. Даше тоже хотелось сжаться в комок и перестать думать об этой последней фразе. Но сколько не думай, она не заглохнет, и даже не станет мягче. Сейчас уже ничего не поделаешь.

Ну, ладно. Дарья громко вздохнула, заставляя грудь высоко подняться и опуститься, придавливая саднящее чувство своей никчемности. Утро вечера мудренее, завтра Даша всё исправит.

Утром, перебивая журчащий говорок телевизора, у мамы позвонил мобильный телефон. Даша замерла в полусогнутом положении с обувной ложкой в руках, и нога сама собой скользнула в ботинок. Звонки в полвосьмого утра редко бывают приятными. Мама по привычке

вставшая проводить дочь, бросила на неё удивлённый взгляд: «кого еще нелёгкая несёт» и ушла в комнату. Там Вера быстро нашла телефон на тумбочке и сразу же ответила на звонок.

– Да, Света, слушаю.

Света? Дарья выпрямилась, медленно вытянув ложку из ботинка. Тётя Света Тургаева, наверное. А может, и любая другая Света... Но не успела Даша хорошо подумать об этом, как из комнаты донёлся бойкий, как обычно немного резковатый мамин голос.

– Да-да, я знаю уже. Ну как... Они с моей Дашкой ввязались в дела, как в двенадцать лет, Свет. Нет-нет, с ней всё в порядке, отделалась испугом...

Дарья раздраженно сдёрнула шарф с вешалки. Зря она маме вчера всё рассказала. Нужно было просто пережить острое детское желание утешиться и услышать слова одобрения, несмотря ни на что. В итоге ни одобрения, ни утешения, только резкие, как сама Вера, выводы. А теперь еще и подробности неловкие про Дарью. Зачем это всё тёте Свете знать? Дарья только испугалась, а Кирилл в реанимации.

– Да, повезло, привезли его в мою «пятёру», – продолжила мама разговор и вышла из комнаты в коридор, к Дарье. Связь была хорошей, было слышно, как тётя Света рыдала в трубку и едва могла говорить. Она позвонила Вере как единственному знакомому, связанному с медициной. И вот как удачно всё получилось.

– Я уже позвонила, всё узнала. Всё у него хорошо, как это может быть в реанимации. Ну чего ты ревёшь?

Мама теперь уже тёте Свете рассказывала о том, что реанимация – это нормально и пугаться тут нечего. Завтра она пойдёт на смену и зайдёт к Кириллу. К тому же, тогда его уже наверняка переведут в палату и разрешат посещения.

– Ой, Свет, не морочь мне голову. Я чего, пацана твоего не проведу? Всё, короче. Завтра найду к нему, не волнуйся. Не волнуйся, – снова повторила мама и замерла. Светлана Тургаева от такого уверенного тона, как от холодного душа, немного пришла в себя и перестала безудержно рыдать. Она шмыгнула носом в трубку и хрипло неуверенно спросила: «я тогда тебе позвоню?». – Я тебе, как всё узнаю, сама позвоню. Давай, держись.

– «Ввязались в дела» как-то не очень хорошо прозвучало, – с упрёком проговорила Дарья и засунула вторую ногу в ботинок. – Во всяком случае, не про Кирилла. Он был на службе вообще-то. Он пытался помочь женщине, которой вообще никто не помогал.

– Кроме вас, – качнула головой Вера и сжала губы в тонкую, зачеркивающую положительные намерения, линию.

Дарья на мать даже не взглянула, пытаясь застегнуть куртку.

– Ты сегодня опять поздно? – спросила мама, особенно не ожидая услышать отрицательный ответ. – Деньги у тебя есть?

– Есть, – поспешно ответила Дарья, надеясь, что маме этого ответа хватит, и она не будет уточнять на какие деньги Даша опять перевозила женщину в центр и собирается её там подерживать.

– Лучше б вы котикам помогали, – вздохнув, назидательно проговорила мама, но без нажима. Дарья этот тон слышала уже десятки раз. Она, наконец, попала молнией в замок и одним движением застегнула куртку до высокого ворота, закрывающего пол-лица.

– Сама то людям помогаешь. В больнице работаешь... – глухо сказала Даша из-за воротника, сбоку глянув на мать. Она уже давным-давно переросла желание оправдываться за свои дела.

– Поэтому и говорю: лучше б вы котикам помогали, от них отдачи больше. Они хоть запоминают, что им хреново было, и кто это «хреново» им устроил. В отличии от...

– Эта риторика Шапокляк в нашем доме, – прервала маму Дарья и натянула шапку, – мне уже надоела. Ты сама то в это веришь?

Дарья не стала дожидаться ответа. Она открыла дверь и вышла. Мама только глянула на дочку в щель закрывающейся двери, выдохнула в сторону и покачала головой.

И что на маму находит, когда она затевает такие разговоры? Ведь они обе знают, что ничего не изменится. Дарья по протоптанной на газоне дорожке из замерзших грязевых следов чужих ботинок обогнула глубокую лужу, в которой вчера чуть не утонула. Мороз окреп, но в зимней куртке было гораздо уютнее. Деревья и земля покрылись белым налётом, который уже не соскребётся каблуком до весны. Воздух был прозрачный и делал вдохи острыми, болезненными. Даша поглубже зарылась подбородком в ворот куртки, отбросила от себя все мамины предположения, которые к ней не имели никакого отношения, и пошла на остановку.

4

«Добрый день, Друзья! Утро в Зимовье, как всегда, начинается не с кофе, а с благодарностей. Большое спасибо нашей подписчице-помощнице Алле за подаренную фонду коляску, она очень-очень кстати!

Продолжаем собирать документы для нашей К. и суда. Бывший муж по-прежнему не позволяет ей видаться с ребёнком.

Не перестаём благодарить Андрея Юдина за 25кг свинины и домашний творог.

Так же спасибо всем вам за материальную помощь. Мы смогли оплатить коммунальные платежи, Зимовье продолжает быть тёплым и светлым.

Через месяц Новый год, Друзья. Но мы уже сейчас с вашей помощью верим и творим чудеса. Спасибо!».

Татьяна никогда не видела столько равнодушных к ней людей одновременно. Каждый раз, когда кто-то подходил, она сразу же терялась, горбилась и как будто стыдилась своей объемной фигуры и проблем, которые доставляла этим людям. Ей казалось, она занимает слишком много места и в очереди к врачу, и в общей кухне центра и рядом с Дарьей во время их разговоров. И все на неё смотрят, и все знают, что она сбежала от мужа, который её бил.

Почти месяц Татьяна находилась в центре, чувствуя, как её пожирает дикая смесь страхов. Первое время она очень боялась, что вернётся муж. Приходилось прислушиваться к каждому неожиданному вскрику с улицы и вглядываться в фигуры прохожих.

– Вы не ходите гулять с детьми, – как-то раз проговорила Людмила, заглянув к ней в комнату и застав Татьяну у окна. – Тяжело носить малыша? Нет одежды? Нет обуви? Нет настроения? Ты Танюша, не молчи.

Татьяна испуганно и резко помотала головой из стороны в сторону. И только спустя неделю призналась: «когда он сюда придёт, он меня точно убьёт, прямо тут, на крыльце».

И чем дольше Виталий не приходил, тем тревожнее становилось Татьяне. Как будто каждый день, что она не с ним, добавлял к злости мужа проценты. Её так долго нет: она не смотрит за домом, не ставит ужин на стол, не спит с ним, зажмуриваясь. Он точно в ярости. И наказание, которое муж готовит для неё, будет страшнее предыдущего. Поэтому его так долго нет. Каждое утро она боялась его увидеть под дверью центра, и каждый вечер понимала: еще один день прошел, Виталий ей их все отсчитает пинками.

– Я тут уже так долго, – растерянно проговорила Татьяна, катая перед собой коляску. Она пыталась попасть колёсами след в след, но не получалось, и узкие полоски-ёлочки расплзались по снегу растопыренной пятернёй. – Постоянно думаю, что мне делать, когда он опять придёт...

– Он теперь не скоро придёт, – серьёзно сказала Дарья, наблюдая, как колёса полосуют свежевывающий снег. – Три дня назад был суд по избранию меры пресечения. Виталий в сизо.

– Это из-за меня, – так быстро сказала Таня, как будто это было заученной фразой. – Вчера свекровка звонила, орала на меня. Говорит, это я... я его посадила. А я что?

Дарья вздохнула в высокий ворот куртки. Татьяна совсем не слушает их советов. Только-только привезла её в центр, Даша посоветовала не отвечать на звонки, а лучше вообще отключить телефон. Через несколько дней она привезла новую сим-карту. Но не отнимать же у Татьяны телефон насильно.

– Наверное, свекровь очень любит своего сына и поэтому пытается переложить его ответственность... – вежливо начала Дарья, подбирая слова, хотя прекрасно понимала, что ни о какой любви и речи не идёт. – Общение с родственниками, которые пытаются навязать чувство вины, только расстраивает. К сожалению, можно сказать, что свекровь вряд ли желает вам наладить жизнь.

– Она говорит, что я бросила Виталика, и он наломал дров.

– Он не «наломал дров». Он совершил преступление, – напомнила Дарья, выразительно глянув на Татьяну. – И не одно. Он долго совершал преступления. Что говорила его мама об этом?

– Говорит, все так живут. Нормальная баба мужика сразу видит, когда он злой. А я и так: на кухне закроюсь, Петьку там закрою, и сидим, ждём. А когда пьёт – даже лучше, спать ложится раньше. А она всё равно недовольная.

– Как думаете, это похоже на поддержку?

Татьяна, вздёрнув брови, глянула на Дарью, как будто спрашивая, не дурочка ли она.

– Не похоже, – согласилась Даша с Таниным сомнением. И, пока она не отвела взгляда, спросила: – Если бы вы хотели поддержать женщину в таком положении, чтобы вы ей сказали?

Татьяна моргнула от неожиданности и перестала катать коляску. Что она могла бы сказать такой же женщине, как она сама? То есть, самой себе? Взгляд Татьяны соскользнул с лица Дарьи и пробежался по дороге. Снег забил собой все выбоины и укрыл белым махровым полотенцем. Настолько белым и гладким, что Татьяна не могла сосредоточиться и хоть что-то сказать. Она с лёгкостью в голове могла воспроизвести только обвинения и ругательства. А слова поддержки? Какие?

Но Дарья не ждала ответа прямо сейчас. Больше у примолкшей Татьяны она ничего не спрашивала. После прогулки все сели ужинать, Дашу пригласили, и она с радостью согласилась. Петя смеялся и показывал рисунки, которые успел нарисовать за те несколько дней, что Даша не приходила. Пока мама занималась маленьким Павликом, с Петей рисовала Катя. Её постоянно бесцветное лицо немного подёргивалось румянцем, когда она смотрела на чужих детей. Потому что своего сына возраста чуть старше Пети она не видела вот уже почти восемь месяцев. Стройная, невысокая женщина с длинной светлой косой и узкими покатыми плечами, тоже чувствовала на себя тяжёлую мужскую руку и постоянно слушала о том, как всё у них будет замечательно. У неё, её ребёнка и мужа. Но замечательно всё складывалась только у него. Он был единственный сын серьёзных родителей, который хорошо учился в школе. Потом с отличием закончил кузбасский институт ФСИН, и практически сразу поступил на госслужбу по прямому профилю. Катя в том же городе училась в пединституте. Одна случайная встреча в трамвае изменила её жизнь навсегда. Мама, оставшаяся в маленьком городке Кемеровской области, говорила, что ей Бог подарил такой шанс. «Ты будешь самой счастливой женщиной в нашей семье», – крестя дочь перед ЗАГСом, сказала она, – «посмотри, как он тебя любит, никогда никого к тебе не подпустит». Знала бы мама, как быстро это пророчество превратится в пугающую реальность.

Практически сразу после свадьбы он действительно перестал кого-то подпускать к молодой жене. Рассказывал, что уж он, работник ФСИНа, точно знает, что могут сделать с женщиной и друзья, и подруги, и просто прохожие, если одной куда-то ходить. Только он может её защитить. Студенческие друзья Кати со временем поняли, что она теперь замужняя женщина и лучше не сердить её мужа. Мама жила далеко. Катя закончила институт и пошла работать в детский логопедический центр, уж там-то, казалось бы, не было никаких опасностей. Только дети и их родители. Но Кате всё равно приходилось объяснять мужу, что это нормально, когда отец приходит за ребёнком. Он туда по делу приходит, а не чтобы на Катю в глухой водолазке и брюках смотреть... «Просто он тебя очень любит», – говорила тогда мама по телефону, – «ну мужчины, они же охотники по сути своей, дочь. Лучше, чтобы ему было всё равно, что ли?». Но Катя даже на минуту не могла представить, каково это, когда мужчине безразлично, в какой одежде и каким путём ты добираться на работу. Не подвёз ли тебя одноклассник, и не была ли ты в этот момент в вызывающе высоких сапогах? Хотя вызывающих сапог у неё никогда не было.

Короткая передышка от такой всё поглощающей любви наступила только когда Катя забеременела. «Теперь никаких волнений, никакой работы, только бассейн, пешие прогулки, хорошая еда», – заботливо сказал муж и, шутя, добавил: «с пузом-то теперь от меня не сбежишь». Но тогда Кате самой хотелось сидеть дома, выбирать шторы, кровать и новые обои для детской комнаты. Прогулки с мужем в парке вокруг фонтана были мирными и приятными. Ни одного неприятного слова он ей не сказал, всячески оберегал и хранил. Катя тогда думала, что всё, что ей казалось неправильным – исправилось. Теперь у них будет настоящая, крепкая семья и свой дом – своя крепость. На майские праздники Катя родила сына. Удивительно тёплый май тогда стоял. На День Победы было очень солнечно. Зелёные молодые листочки только расправились и укрыли собой деревья и кусты. Сирень уже налилась гроздьями и вот-вот готова была распусться. Муж приехал забирать Катю в роддом с огромным букетом тюльпанов. Медсестра передала ему малыша, завернутого в белое, кружевное одеяльце, из которого выглядывали крошечные голубые пинетки. Это был самый счастливый день в Катиной жизни.

А потом началась такая семейная жизнь, какой её понимал муж. Он работал, а она сидела дома в прямом смысле слова. Сначала он говорил: «тебе тяжело поднимать ребёнка, я вернусь – пойдём вместе. Ну и что, что все ходят? Мне «все» вообще не указ». Потом: «Нечего таскаться в эту убогую поликлинику, скажи, кого надо, я вызову врача из нормального центра». И наконец: «Какие деньги? Зачем тебе ходить в магазин, да еще и с ребёнком? Я что, не привожу тебе продукты? Не привожу? Ну и всё. У тебя всё есть, сиди, сиску ребёнку давай, больше вам ничего не нужно». Кате казалось, что она с ума сходит. Во дворе за окном отцвели сирень и черёмуха, у соседок на клумбах распустились школьные астры. Сын, которого называли Марком, научился переворачиваться и ползать по-пластунски, а Катя всё ходила с ним от окна до окна и ждала мужа. Вечером они гуляли в парке вокруг фонтана, ходили в кафе и здоровались с соседками. «Какой хороший муж, весь в семье», – говорили соседки. «Ну а ты чего хотела? Ты теперь замужняя жена, место жены дома, тем более с младенцем», – говорила мама. Она хотела приехать, посмотреть на внука, но муж сказал: «попозже, а то грудничок еще совсем слабенький». А когда Марку был год, мужа перевели работать в барнаульскую колонию: «Очень хорошо, поближе к моей маме», – обрадовался он. «И дальше от моей...», – не обрадовалась Катя. По большой удаче удалось купить в ипотеку квартиру, а Марка устроить в ведомственный хороший детский сад. «Может, я пойду на работу?» – как-то раз своим тихим, мягким голосом спросила Катя. Муж очень удивился, взглянул на неё поверх чашки, из которой пил чай за ужином, и сказал: «Лучше запиши Марка на спорт, он же мальчик, ему нужно быть крепким и здоровым. И к логопеду нормальному его своди». Катя не поняла, зачем вести ребёнка к какому-то другому логопеду, если у неё у самой так в дипломе написано. «Да чему вы там в своей педухе могли научиться... Да и ты уже всё забывала, пока дома сидишь». Марка записали к логопеду, на борьбу, на футбол и на ментальную арифметику с пяти лет. Тогда-то всё и разрушилось.

Катя даже не поняла, где именно жена его сослуживца увидела её разговаривающей с чужим мужчиной. Наверное, это был отец чьего-нибудь ребёнка, но как бы муж не орал и не тряс её за плечи, она не могла вспомнить. От страха у неё тогда всё внутри замирало и слова путались в лихорадочных мыслях. Муж до того никогда её не бил. Тогда был первый раз. Он саданул её: «Моя жена что, шлюха портовая?! Я как баран должен стоять и блеять, зная не зная, где моя жучка хвост заносит». За годы жизни с ним Катя уже научилась выходить в то время дня и в такой одежде, чтобы муж не мог её ни в чем обвинить. Но теперь этого было недостаточно. Что бы Катя ни делала, ничего не было достаточно, чтобы избежать скандала. Он орал, тряся руками над её головой, но Катя не понимала, о чем именно он говорит. Единственное, что она точно поняла, это когда он сказал: «Моему сыну не нужна такая шлюха-мать! Иди и пасись теперь, где хочешь».

Так Катя осталась одна в чужом городе без работы, без друзей, без родственников и без сына.

– Знаешь, – Катя доверчиво наклонилась к Дарье, когда они все сидели за одним столом, – я ведь всё-таки позвонила свекрови.

– Это было наверняка нелегко... Но я очень рада, что ты всё-таки решилась, – улыбчиво ответила Даша, зная, как трудно всегда тихой и робкой Катерине делать первые шаги.

– Да. Скоро ведь новый год, а я с сентября не видела Марка. И она сказала, что на каникулах может мне позволить погулять с ним! Людмила Северовна сказала мне фиксировать всю положительную динамику наших отношений...

– Да, это может пригодиться в суде.

– Странно так, да? – помолчав, сказала Катя, как будто и не спрашивая. Она смотрела на Татьяну с детьми и теребила край бумажной салфетки. – Вот мы две матери, да? И есть два отца, оба не очень, обоим дети не нужны. Но как всё по-разному, да? Выгони он меня вместе с Марком ночью на улицу, я бы так рада была! Я бы тут же уехала к маме и горя не знала. Ведь делают же так сотни других. А он решил вот так... – руки у Кати задрожали, она взяла салфетку и начала её складывать в маленький квадратик.

– Каждый пытается манипулировать детьми в силу своей бессовестности.

– Но я не понимаю, зачем? Марк с ним даже не живёт! Он его матери сюда увёз, а сам там с этой... новой живёт. Если бы он... просил вернуться меня, или что-то ему отдать, я бы поняла. Но так? Я не понимаю.

– Просто ему очень хочется делать больно. Но пинать вас ногами он не может себе позволить. Он же должен сохранить лицо перед коллегами, друзьями, соседями. А жена вроде как ближе, чем соседи, с ней всё можно – так они думают. Вот и бьют в самое больное место...

Медленно, подбирая слова, сказала Дарья и промолчала о том, что разрешение увидеться с сыном может быть еще одним подлым ударом под дых. У Катерины и так задрожал подбородок и скривились губы, которые она прикрыла квадратиком белой салфетки.

Петя бегал вокруг с листами и цветными карандашами, и не было в комнате женщины, которая не смотрела бы на него, думая о том, что всё еще может наладиться. Впереди Новый год и что-нибудь точно изменится.

В школе декабрь только начался, а учебный процесс уже готовился к полугодовой аттестации. Элла Андреевна, стройная и порывистая, как моторная лодка, быстро ходила по школе и заглядывала в каждый уголок. Казалось, она знает всё, что происходит и в учительской, и в курилке за спортивным залом, которую официально никто не разрешал. Походя, она строго смотрела на старшеклассников, некоторые из которых были на голову выше, ласково на молодую учительницу, и обеспокоенно на Дарью.

– Дарья Владимировна! Минуточку-минуточку! Там вам папочку оставила, посмотрите, да? И как там наша девочка из седьмого «Б»? Мама так и не приходила?

Мама так и не пришла, хоть её и приглашали. После первого разговора с Дарьей, Софья неожиданно пропала из школы. Через две недели, принесла справку с диагнозом «вегетососудистая дистония». Второй раз к Дарье она пришла мрачная и неразговорчивая. На осторожные вопросы о матери только пожимала плечами и сразу же отворачивалась. Больше ничего о семье не говорила, а Дарья не спрашивала: это мама должна отвечать за ребёнка, а не наоборот.

Из личного дела Софьи Зориной Даша узнала, что семья у неё полная: мама, папа и единственный ребёнок. Родители со средне-специальным образованием, работают, никогда не привлекались, на каком-либо учете не стояли. Никаких «красных флагов» для себя Дарья отметить не могла, кроме самой этой странной татуировки. После того, как Софья вернулась к учебе, Дарья понаблюдала за ней на переменах и попросила классную руководительницу понаблюдать

на уроках. Софья старалась никому не попадаться на глаза, шарахалась от одноклассников и не ходила на обед. Странно для человека, который пытался обратить на себя внимание татуировкой на лбу.

– Мне кажется, эта ситуация с татуировкой не связана с обычными экспериментами во внешности, – задумчиво проговорила Дарья Элле Андреевне, когда она зашла в её каморку за папкой с аналитикой тестирования адаптации первоклассников. – И явно не привлечение внимания. Это скорее какой-то внутренний...

– Протест? – тут же подхватила директриса мысль. – Вылившийся в вот такое заявление, прямо на лбу? Сильно.

– Да, – кивнула Дарья, отметив, как быстро Элла Андреевна мысль подхватила. Не пришлось объяснять своё ощущение.

Директриса глянула на Дарью долгим взглядом, немного прищурившись. Кивнув собственным мыслям и Дарье, она серьёзно сказала: – Работайте, – и вышла из кабинета.

Софья в очередной раз пришла в субботу после четвёртого урока, когда остальные дети с большим удовольствием разбредаются по домам и торговым центрам. Она была в привычном школьном брючном костюме и серой водолазке с глухим высоким воротом. Волосы в этот раз были чистые и лёгкие. Софья коротко и нехотя поздоровалась. Настороженная, как воробей, села на край стула, рюкзак бросила тут же, у стола, и глянула на бумаги, в которых Дарья писала и подчеркивала.

– Я никакие эти анкеты заполнять не буду, и рисовать там всякое, – тут же сердито сообщила Софья и нахохлилась. Дарья, подавив улыбку, спокойно прикрыла папку и глянула на девочку: видимо, насмотрелась фильмов, где психологи проводят тест-рисунки, и решила, что её то точно не проведёшь – готовность сражаться за своё подсознательное явно отразилось на лице Софьи.

– Никто и не предлагает, – пожалала Даша плечами, её всё еще не пугала напускная резкость подростка. – Это для малышей первоклассников. С тобой мы можем просто поговорить, – сказала Дарья, специально опустив окончание «как взрослые люди», как это и делают взрослые по мнению подростков. – Я рада, что ты снова пришла.

Софья бросила недоверчивый взгляд на Дарью Владимировну, но спорить не стала и села на стуле поудобнее. По сравнению с их первой встречей, Соня хоть и злилась по привычке, но не тревожилась.

– Придумала уже, что будешь делать на каникулах?

– Если еще доживу до них, – закатила Софья глаза и поправила пряди волос на лбу, чтобы она не открывала татуировку. – Вичка-математичка... эээ, Виктория Викторовна, сказала, что прийдёт, если мы не напишем четвертную.

– Это может быть трудно...

– Да пофиг вообще. Всё равно потом сошлют в этот вонючий Тургалой, – Софья удрученно вздохнула и качнула коленями. – Может, туда после смерти тоже попадают. Но почему я сейчас-то должна туда ездить, а? – глянула она на Дарью, как будто у той был ответ на этот вопрос. Но Дарья только внимательно слушала, ловя каждое слово, чтобы сложить из них картинку. – А вообще, – оживилась Соня и заёрзала на стуле. Даша заинтересованно кивнула: ну-ну? – после того... ну, как болела я, да? – с паузами промямлила девочка, пытаясь заменить слова, которые первыми попадали на язык, а потом выпалила то, чем действительно так хотела похвалиться. – Мама сказала, что на каникулах мы поедем в Барнаул!

– В Барнаул? Ух ты! Это было бы отличным новогодним приключением, – улыбнулась Дарья, разделяя восторг. Девочка просияла и забыла поправить сползшие с татуировки волосы. Наконец-то она перестала бросаться иголками и разговорилась. Обрадованная произведённым эффектом, Софья сверкнула глазами, мотыляясь из стороны в сторону, как будто пританцовывая.

– Да-а-а. Там четвёртого января будет мастер-класс по рисованию манги, ну, комиксы такие. Я туда очень хочу. Мама пообещала, что теперь точно съездим.

– Зимой там красиво. Каникулы – самое время для таких мастер-классов, будет время попрактиковаться. Ты уже что-то рисуешь?

– Ну так... одну историю, – смутилась Софья и снова замерла, дёрнула плечом, как будто отгораживаясь от этого вопроса. Взгляд её пробежался по столу и остановился на шкафу с рабочими папками.

– Про кого история? – спросила Дарья на случай, если девочке хотелось рассказать, но что-то останавливало.

– Про мальчика, – не отрывая взгляда от шкафа, сказала Софья через паузу. – Ну он живёт с мамой и ему снятся сны, и во сне он пытается всё переделать... Ну, то, что с ним случается.

– У него получается?

– Нифига! – выпалила Софья, повернула голову и в упор глянула на Дарью. Лицо её стало резким, носик как будто заострился и навис над губами, которые она тут же закусила. Даша напряженно свела брови над переносицей, чувствуя, как в Софье всё в одну секунду переменялось. Она так резко и быстро ответила, будто Дарья усомнилась в ней самой. Интересно, сколько в этом мальчике, который что-то пытается изменить, от самой Софьи? Какой финал ждёт её героя? Почему-то Даше казалось, что там не будет ничего хорошего.

– У меня ничего не получается... – поспешно попыталась объяснить Софья, как почувствовав, что Дарья над её вспышкой призадумалась. – Я в этот сраный Тургалой вечно езжу, дурью с бабкой там маюсь.

– Понимаю... – поддержала Дарья попытку Сони перевести тему, чтобы не настраивать против себя. – Я тоже иногда езжу в Тургалой. Вот, например, завтра поеду.

– Зачем-е-ем? – недоумённо протянула Софья, искренне изумившись. – Кто вообще может ехать туда по доброй воле? – Софья глянула на Дарью с сочувствием, Даше даже показалось, что она хочет спросить, не заставляет ли её мама туда ездить.

– Там живёт мой друг. Поеду его навестить.

– Друг? – спросила Софья, поморщившись.

Дарья не поняла, что именно её так удивило: то, что в Тургалое может жить чей-то друг, или то, что это может быть друг-мужчина?

– Мы учились вместе в школе.

– Это будет ужасный выходной... – мрачно предсказала Соня и покачала головой.

Софья не оставляла Тургалую ни одного шанса. Что же ей там так не нравится?

Когда Союз развалился, Тургалой из самого большого в районе, процветающего колхоза превратился в посёлок. Ошарашенные люди еще некоторое время по инерции жили привычным укладом, цеплялись за последние возможности. Но со временем оставшиеся всё меньше осуждали уехавших, строго поджимая губы от мелькнувшей мысли: «надо бы и мне тоже».

Осокины никуда не уехали. Отец продолжал работать машинистом локомотива, а мама не могла оставить Тургалой без медработника. К тому времени уже закрыли клуб, небольшую больницу сократили до фельдшерско-акушерского пункта, в котором осталась Вера, да еще одна молоденькая медсестра, её только-только после училища родители заставили вернуться в посёлок.

Дарья и Кирилл заканчивали девятый класс, когда новая администрация объявила, что школу Тургалоя объединят со школой соседнего села. Учеников теперь должны были возить за семь километров. Кирилл сразу сказал матери, что «таскаться черт знает куда» он не собирается. И вообще, где он, а где десятый класс, в общем – ему хватит. Никто не смог его переубедить. Осокины решили переехать в город, чтобы Дарья там закончила обучение. Её как

отличницу без проблем перевели в городскую школу. Там отец-железнодорожник смог получить временную служебную квартиру.

Но Софью-то вряд ли волновали изменения Тургалоя и его жителей, происходившие там почти пятнадцать лет назад. Что там с ней сейчас происходит? Дарья уже вернулась домой и поужинала, но всё не могла перестать думать о последнем разговоре. Казалось, что в нём был какой-то неуловимый подтекст. Он скользил между словами, отталкиваясь от произносимых вслух, и терялся в тех, которые только хотели сказать. Софья ругалась и злилась на всё вокруг, как все подростки, Даша знала, что это нормально. И только один раз по-настоящему девочка испугалась, поймала то, что действительно хотела сказать за хвост, и перевела тему. Что же там может быть? Интересно, о чём история, которую Софья пыталась рассказать? Еще там, в кабинете, Дарья вспомнила, что совсем недавно читала статью о творчестве, как способе преодоления стресса и травмы. Что там говорилось? Говорилось, что подростки часто пытаются починить свою реальность путём вымысла, но психозащита не позволяет делать героем самого себя. Поэтому автор дистанцируется от персонажа, меняя ему пол, девочки часто пишут о мальчиках, у которых получается исправить то, что не получается у них... В каком журнале она это читала?

Дарья тревожно прошлась вдоль длинной стены своей комнаты, сделав ровно шесть шагов от окна к двери. Комнатка была небольшая, по одной стене стояла полутораспальная кровать, рядом старый торшер под широким круглым абажуром, освещающий подушку и угол пола. Напротив – левым боком к окну – письменный стол. Справа от него двумя узкими секциями в потолок возвышался книжный шкаф. Книги в нём стояли в два ряда, да еще и на рядах лежали неровными стопками, из которых выпирали уголки. Даша склонила голову, читая корешки. Методички, вузовские учебники, Фрейд, Гиппенрейтер. Введение в психологию, общая психология, возрастная психология, «Противостояние стрессу», «теория и методика работы с младшими школьниками». И почти в самом низу неровного столбика синяя книга «Психологическая защита в подростковом возрасте». Психологическая защита? Именно этим термином можно было бы назвать то, что Дарья сегодня слышала. Упёршись в книжные ряды левой рукой, другой она с трудом вытащила синюю книгу из-под тяжелой стопки. Покрутила в руках, открыла оглавление – хотелось сверить ощущения и понять, как дальше действовать, чтобы не навредить. Было стойкое ощущение, что у Софьи и без её неосторожного вмешательства множество проблем.

5

Дарья захлопнула книгу, когда читать стало совсем невозможно. Всё вокруг тряслось и строчки так скакали, что за полтора часа чтения в пути, её укачало. Зажмурившись, Даша помотала головой, а потом глянула в окно. Город давным-давно остался позади, и сейчас трасса бежала по берегу неширокой замёрзшей реки. По другую сторону над ней нависал каменными углами берег. Поверху росли объёмные пушистые ёлки. С них то и дело скатывались комья снега, падали и разбивались о камни. Даша любила эту дорогу. Ей нравился колкий берег. Там каждый камень стоял криво, опирался о другие, поворачивался острогранным боком, с которого сползал снег. Такая неровная, неаккуратная природная стена, как разношерстная толпа из камней. И сколько тут эта толпа стоит, не разбегается. И сколько еще простоит...

Дорога делала поворот и ныряла от реки в перелесок. Там гигантские ёлки под огромными ветвями прятали дорогу и качались близко-близко. Летом их можно было рукой из окна достать, поздороваться за широкие лапы. Но это раньше, когда Дарье было пятнадцать лет, и она с матерью в Тургалой ездила за компанию. Мама там еще полгода работала и моталась каждый день, а Даша скучала по друзьям. Сейчас вытаскивать руку из узкого окна как-то не по возрасту.

Дарья вышла из автобуса и прищурилась. Солнце сначала слепило высоко в небе, а потом скакало бликами по застывшей корочке наметённых сугробов. От добротной остановки под полукруглой крышей вдаль вилась очищенная дорожка. Она, как ручей, впадала в широкую, накатанную дорогу, начинающуюся у самой школы. Школа, в которой Даша когда-то училась. Она мрачным, заброшенным напоминанием стояла и поглядывала провалами окон. Наверняка через них намело снега по самую грудь. Дарья прошла мимо школы, не оглядываясь.

Сейчас нужно было идти в другой конец села, где широкая, как тело Змея Горыныча, дорога сужалась, и переходила в трёхголовье последних домов. Они стояли северными окнами к начинающейся прямо за подворьем тайге, будто кто загадочный приказал им стоять к лесу задом. Дашу в детстве это забавляло. Ей очень нравился их одноэтажный, крепкий дом, выкрашенный голубой краской. Забор был невысокий, а за ним росли кусты смородины и сирени, она постоянно переваливалась тучными соцветиями к соседям. А соседями Осокиных были Тургаевы, они жили забор в забор. С самого детства ребята дружили, ползая друг к другу на участки. А потом пошли в школу в один класс и годам к десяти невысокий, неказистый Кирилл среди мальчишек оказался самым маленьким и самым задиристым. Шатался со старшими подростками, начал курить. Основательная, серьёзная Дарья ему говорила:

– Ты что, дурачок? Зачем ты с ними дружишь?

Кирилл бычился, огрызнулся: «сама ты дура, Дашка».

Сейчас забор дома, в котором Даша выросла, был высокий, из непроницаемого профнастила. А вот соседский оставался всё таким же. Деревянный невысокий штакетник, который летом покрасили ярким красным цветом. В самом углу участка справа раскинулась огромная ветвистая черёмуха, сейчас вся укрытая снегом, как гора. Эта черёмуха расползлась порослью вдоль правой стороны участка, пару лет назад Дарья выкопала маленький отросточек и посадила его вместе с Людмилой Северовой на территории Зимовья.

Калитка, как всегда, на крючке. Даша его привычно скинула и вошла. Дорожка к дому была расчищена на две трети, как будто кто-то начал, но бросил. Остальные несколько метров были просто вытоптаны, двоим не разминуться. С козырька над крыльцом не сбили сосульки, они весело блестели на солнце. Дарья глянула на них, прищурив один глаз, и зашла на выдавшее виды, скрипучее крыльцо.

Дверь оказалась не закрыта. Дарья прошла через сенцы, сняла там ботинки, верхнюю одежду и вошла в дом. Здесь тепло, сладко и кисло пахло овощной жаркой для борща. Даже

слышно было, как за тонкой стенкой на электрической плите бурлило. Глубоко вдохнув, Даша улыбнулась и громко поздоровалась:

– Здравствуйте!

За стенкой загрохотала ложка, её уронили от неожиданности. Тётя Света вынырнула из-за стенки, как деловитая белка. Она была невысокой, плотно сбитой, всегда немного удивлённой и встревоженной скуластой алтайкой. Кирилл на неё очень похож, разве что всегда был не удивлённым, а сердитым. Все поколения их семьи жили в этой деревне, теперь уже никто и не помнил: это им фамилию дали в честь посёлка, или посёлок назвали в честь целой улицы разных Тургаевых.

– Батюшки! – тётя Света вытерла левую руку о цветастый фартук и покрутилась на месте, придумывая, куда ей деть половник, который держала в правой. – Дашечка! Как хорошо, ну как хорошо, что ты приехала!

Не найдя, куда деть половник, тетя Света бросила его на стол прямо через проход, и шагнула к Дарье, чтобы обняться. Глаза у неё заблестели, казалось, она вот-вот расплачется. Что ж такое, у тёти Светы глаза всегда на мокром месте.

Когда Даше и Кириллу только-только исполнилось двенадцать, во время весенних каникул, компания, к которой прибился Кирилл, сбежала из дома, их не было чуть больше суток. Тётя Света рыдала на кухне у Веры Осокиной и не знала, что делать. Кирилл рос без отца, мать день и ночь работала на звероферме, и времени следить за сыном у неё было не много. Резкая и скорая на решения Вера тогда предложила сходить, поискать пакостника. Дашка увязалась с ними. Взрослые пошли по небольшому пролеску, уходящему в овраг за деревней. Там часто любили сидеть подростки, жарить шашлыки, ломать кусты неуёмной активностью и закидывать всё мусором. Но Даша краем уха слышала, как всю зиму парни заговорщически перешептывались о заброшенных зерновых складах за деревней.

Конечно, они были там. Грелись в разбитом сарае у костра. Их было четверо с Кириллом. Все лакали по кругу из горла тёмной бутылки, а Кирилл лакал больше всех, громко смеялся и неумело матерился. Старшие парни Дарье обрадовались, раскинули руки, зазывая присоединиться. Кирилл зыркнул на неё и рявкнул: «Пошла отсюда!». «Кирилл, пойдём домой», – испуганно промямлила Даша. Парни тут же загоготали, как гуси, весело и зло. «Кирилл, пойдём домой», – передразнили они. Кирилл еще раз зло крикнул, отсылая давнюю подругу подальше, но было поздно. Компания поднялась с мест, Кирилл тоже вскочил, сразу затерявшись среди рослых плечистых дружков. В руках у него была недопитая бутылка. Он протиснулся ближе, когда Дашку схватили за руку и дёрнули вперёд. Кирилл крутанулся между дружками, испуганная Даша хотела его схватить за руку, но ладонь упала на бутылку и вырвала её. Парни напирали, Дашка, саму себя не помня, ударила бутылкой наотмашь. Замах наискосок соскользнул верзиле по плечу. Тот шарахнулся в сторону, и удар рухнул прямо на голову тут же стоявшего Кирилла, заливая всех пивной вонью. Кирилл заорал от боли, Дарья заорала от испуга. На улице чужой мужик услышал вопли и заорал: «Эй? Чего там творите?!». Подростки вывалились из дверного проёма сарая мимо мелкотни. Кирилл зажимал рану на голову, но кровь просачивалась сквозь пальцы и заливала глаз. Он её отирал другой рукой, но она стекала снова и снова.

Мужик привёл их обоих к Осокиным красных и зарёванных. Дашка размазывала сопли и слёзы по лицу, Кирилл просто шмыгал носом и пытался успокоиться до встречи с матерью. Его тошнило и пошатывало. Когда Светлана увидела сына всего в крови, чуть не упала прямо посреди комнаты.

– Батюшки! – вскрикнула она и прижала пухлые ладошки к лицу. Но Вера не позволила никому впасть в отчаяние. Пока детей отмывали от грязи, крови и пива, она сбежала на свой фельдшерский деревенский пункт и принесла медицинский чемоданчик. Голову Кириллу зашили прямо на кухне дома Даши Осокиной. Она плакала от страха и беспокойства, смотря

на четкие, выверенные движения матери. Мать то ничего не боялась и управилась за несколько минут, повторяя: «Не реви!» и Дарье, и Светлане и Кириллу.

С тех пор Дарья ни разу не видела, чтобы Кирилл ревел. Когда она, наконец, дозвонилась до него в больнице, по голосу поняла, что всё хорошо. Он строго спросил: «ну и чего ты панику то развела? Мне уже каждый тут сказал, что б я перезвонил...». Через неделю его выписали. На службе дали отпуск, и чтобы не сидеть одному в комнате общежития, Кирилл решил уехать к матери в Тургалой. Мама была очень рада.

– Какая молодец, что приехала, – обняв Дашу, проговорила тётя Света и краем передника вытерла глаза. – Давно не приезжала, – легко, по-матерински погрозила она пальцем и обернулась к закрытой двери в комнату. – Кирилл! Кирилл! Смотри, кто приехал, Кирилл? Обедать будешь? –спросила Дашу, и, не дожидаясь ответа, проворно вернулась в кухню, где на сковородке продолжало что-то жариться. – Толчонка сегодня и борщ.

Даша успевала только улыбочиво кивать, когда дверь в комнату всё-таки распахнулась, и на пороге показался Кирилл. Дарья вцепилась в него взглядом, пытаясь в первую же секунду понять, обманывал он её по телефону, или нет. Кирилл выглядел уставшим. Осунулся так, что алтайские скулы еще сильнее проступили на бледно-зелёном лице. В серой обычной футболке, спортивных штанах и теплых высоких носках, он прислонился плечом к косяку, засунув руки в карманы, и глянул на гостью в упор из-под широких, тёмных бровей.

– Привет, – сказала Дарья.

– Здравóво. Приехала всё-таки... Я же говорил: жив-цел-орёл.

Он всегда был таким, с самого детства: мрачно брюзжал, как маленький старичок, всем недовольный. И выпадал из этого состояния только когда был испуган или подавлен. Сразу кидался драться, много ругался, а в детстве ревел. Но сегодня он не был подавлен, не был напряжен. Кирилл двигался медленно и смотрел, как всегда – немного сердито. Дашу его выражение лица сразу же успокоило. Когда Кирилл позвонил под голоса врачей скорой помощи на заднем фоне, напряжение вошло в позвоночник тонкой иглой и постоянно выцарапывало остриём плохие мысли. А теперь эта игла растворилась и плечи могли расслабленно опуститься.

– Я рада, что ты в хорошем настроении, – искренне сказала Дарья и улыбнулась, чуть-чуть ссутулившись. Она достала из сумки большой бумажный пакет с логотипом магазина фигурного мармелада. – Я тебе червей привезла, чтобы здоровье поправить.

Кирилл оторвался от косяка, сделал несколько шагов к Дарье и взял протянутый увесистый пакет.

– Вот спасибо. Мне только червей как раз и не хватало для полного счастья, – строго проговорил он, но Даша не переставала улыбаться, зная, что он больше по привычке ворчит. – Сейчас червями закинусь и дорожку дочисти.

– Я тебе сказала, не трогать дорожку! – из кухни крикнула тётя Света с непривычной для неё строгостью. Кирилл свёл брови, и над переносицей возникла сердитая вертикальная морщина. Он всем телом повернулся в сторону прохода на кухню, посмотрел на мать и резко выдохнул носом.

– А чего это, я не пойму, у нас дверь опять не закрыта? – серьёзно спросил Кирилл, заменив этим то, что действительно хотел сказать. – Заходи, кто хошь, забирай, что можь? Я, когда вернулся, её закрыл.

– Ай, Кирилл, – отмахнулась от него мама с видом «отстань». Ей некогда было обсуждать всякую ерунду.

Кирилл, склонив голову, бросил взгляд на мать, а потом развернулся и сделал несколько шагов мимо Дарьи. Она поспешно повернулась боком, чтобы не мешать, и улыбочиво за ним проследила. Они были примерно одного роста – около ста семидесяти – но казалось, сердитость накидывала ему к макушке еще десяток сантиметров. Топая пятками, Кирилл прошел

мимо Дарьи в сени и, лязгнув щеколдой, закрыл там входную дверь. Мама, убравшая с плиты зажарку, вышла из-за тонкой стеночки в коридор, когда Кирилл вернулся.

– Я же тебе говорила не ходить голяком на мороз! Бок застудишь ведь!

– Ай, мама, – ровно с той же интонацией, как и мать, отмахнулся от заботы Кирилл.

Дарья рассмеялась. Как уютно от этой привычной, незлобной перебранки. После того, как дом по соседству стал чужим, ощущение светлого детства сосредоточилось именно тут. Тётя Света всегда накрывала стол, кормила детей, раздавала булочки и ругалась, когда Дарья с Кириллом сползали под стол и убежали с ними в комнату.

Вот и сейчас Кирилл без лишних слов мотнул головой в сторону распахнутой двери в свою комнату, Дарья улыбнулась и прошла. Здесь годами ничего не менялось. Бежевые шторы с красными цветами, обвитыми канатами, были постоянно сомкнуты. Разве что ученический стол, стоящий длинной стороной к окну, был завален не учебниками, а папками, юридическими брошюрками, кодексами и списками неблагонадёжных граждан вверенного ему района. У одной стены кровать, у другой кресло и висящая над ним огромная, во всю стену паутина, сплетённая лет пятнадцать назад из бельевой верёвки. На ней чего только не висело: обмотанный верёвкой, как удавкой, учебник по геометрии 7-8-9 класс с ужасающими ромбами; кубик Рубика; барабанные палочки; большая, красивая подводная лодка; дембельские погоны и у самой двери – полицейская фуражка.

– Только Шоховского ножа не хватает, – проговорил Кирилл, заметив, как Дарья рассматривает фуражку, и криво улыбнулся.

– По-моему, ничего хуже, чем эта геометрия, здесь уже не появится.

Кирилл глянул на неё с сомнением и осторожно, немного болезненно, опустился на кровать, поставив рядом мешок с мармеладом.

– Ты как? – спросила Дарья, помедлив садиться. Но её помощь не понадобилась.

– Да нормально, – оперевшись кулаками, Кирилл продвинулся на кровати и прислонился спиной к стене. – Ничего не вырезали, заштопали и выпнули. Жить буду. Через неделю даже на работу выхожу. Так что не таскайся сюда, всё в порядке. – Кирилл выразительно посмотрел на Дарью через узкий проход, оставшийся между кроватью и креслом.

– Как тебя вообще так угораздило? – не обратила внимание на грубость Дарья и опустилась в привычное ей «подпаутинное» кресло.

– Да как... – отвел взгляд Кирилл и передёрнул плечами.

Кратко он рассказал, что, когда Шохова отпустили, тот пришел домой. Пообщался с собутыльником-соседом, который ему в красках рассказал, как «участковый с какой-то девкой» увезли жену на ночь глядя. Его мать, которая живёт в общежитии напротив, тоже наверняка многое наговорила. Вот он и пошел разбираться хоть с кем-нибудь, а по пути ему попался не кто-нибудь, а Тургаев.

– Ну и всё. Я же не Рембо, сражаться с ним и бегать там... по всей улице, – хмуро и кратко проговорил Кирилл, но Дарья не задала ни одного уточняющего вопроса, видя, что ему не хочется об этом много говорить.

– Ты лучше вот чего скажи, пассажирка то наша не собирается по месту постоянной регистрации возвращаться?

Даша удивилась и чуть склонила голову набок. Она не ожидала, что первым делом Кирилл начнёт расспрашивать о Татьяне, муж которой ударом исподтишка отправил его в хирургию. Почему? Ему тоже хотелось, чтобы история женщины, которую он без спроса выдернул из привычного мира, закончилась хорошо? И тогда всё будет не зря. Наверное, это первая для Кирилла история, когда он сам принял решение вмешаться. Дарья помнила, как она впервые оказалась в эпицентре разрушения семьи. Ей казалось, что она просто вытянет женщину из беды на плотик спокойствия и всё встанет на свои места. Разве не достаточно просто вырвать её из-под удара?

– Пока нет... но еще мало времени прошло, – откровенно сказала Дарья, теперь уже точно зная, что всё может сложиться, как угодно. Кирилл серьезно глянул на неё и дёрнул бровями в немом вопросе. – Она пока адаптируется, привыкает. Еще не верит, что так можно жить постоянно. Да и свекровь ей постоянно звонит, а Татьяна с ней разговаривает, хотя мы просили...

– Да-а. Бабка там та еще, – кивнул Кирилл. – Приходит в СИЗО регулярно, как в поликлинику, воеет, что сыночка её спровоцировали и вообще он самооборонялся. Представляю, что она может ей наговорить. Заберите у неё телефон, да и всё.

– Ну, так нельзя, – мягко проговорила Дарья, виновато поджимая губы, потому что в глубине души и сама думала, что так было бы лучше. – Мы же не можем делать это против её воли. Ей должно быть спокойно и безопасно. Тогда всё...

– И как? – оборвал Дарью Кирилл, – спокойно? – С нажимом спросил он и даже поменял положение на кровати, чтобы погасить вспышку недопонимания, переходящую в раздражение. – Вместо переговоров с этой каргой, пусть лучше сидит, уголовный кодекс читает.

– Было бы ей еще что там читать по её ситуации, – быстро проговорила Дарья, в упор глянув на Кирилла. Какой смысл ему злиться из-за того, что подумает или скажет Татьяна, если для Шохова её слова теперь не будут иметь никакого веса. Его посадят не за Татьяну. – С недавних то пор.

– Так надо было заявление писать! – наставительно потыкал пальцем в кровать Кирилл, как в протокол тыкает полицейский. – Побои снимать! Я что, сам должен всё нарисовать? А теперь – конечно, ему даже характеристику никто плохую не даст, ни один синяк не пришьёшь. Тут вообще радоваться надо, что он в принципе сядет, какая разница за что?

– На самом деле, большая разница. От него страдала целая семья и закону на это плевать, – строго проговорила Дарья и быстро добавила, не позволив Кириллу вставить слово: – даже с заявлением! А заявление знаешь почему не пишут? Знаешь?

– Представь себе, знаю, – резко дернул головой Кирилл. – Но конкретно сейчас-то какая разница? Ты же сама сказала: она должна быть в безопасности. Так его сейчас закроют лет на семь, разводишься в безопасности и дёргай отсюда. Даже заявление какое писать не надо и бояться потом, что он спросит «какого хрена?!».

– Дело ведь не только в этой конкретной Татьяне. У тебя на участке таких сколько?

Когда в прошлом году в феврале приняли закон о декриминализации домашнего насилия, на Зимовье обрушился шквал звонков. Казалось, каждая третья позвонила по номеру кризисного центра, чтобы спросить: что делать?; теперь даже полицию вызвать будет нельзя?; его что, теперь даже до утра не заберут? «Он запер меня на балконе, тут холодно. Я нашла швабру, стучала в окно соседям, но никого нет. А тут вот еще молоток... есть... Он же придёт за мной? Если я его молотком убью, меня посадят? Или как теперь по-новому то?» – Дарья не знала, вызвала ли эта не представившаяся женщина полицию, или осталась мартовской ночью стоять на балконе, сжимая молоток. Дежурный в полиции сказал только: «ну перезвоните ей... что я могу сделать без адреса?», – как будто не знал, чем может закончиться звонок не вовремя. Еще несколько дней потом Даша читала все областные новости и продумывала пути решения проблемы с таким количеством неизвестных, но ничего, что могло бы ей подсказать финал того ночного звонка, не находила. Так и остался он незакрытой, саднящей раной.

А дикий шквал всё не прекращался. Женщины и юные девочки и раньше звонили, попросить совета, поддержки и прямой помощи. Но сейчас будто кто-то дикий и пьяный от безнаказанности, замахом отмечал возможность отделаться за него штрафом. Дарью разрывало от желания помочь и бессилия, с которым она каждый раз сталкивалась. Простые слова не помогали, уговоры не действовали. Их с Людмилой женщины не слышали, Даша по голосам понимала – они не верили. «Ты там, а я-то здесь!...»

Это было настолько пугающая лавина, что в какой-то момент Даша почувствовала, что ей приходится заставлять себя отвечать на звонки. Хоть днём, хоть утром, хоть ночью. Людмила Северовна поставила переадресацию вызовов на свой номер и бесконечно повторяла: «нужно вызывать полицию!»; «нужно писать заявление!», «нужно снимать побои!»; «теперь особенно нужно!» и каждой из них говорила: «называйте адрес, мы приедем... Ну или приезжайте сами, вместе всё решим». Тоже самое она сказала и Дарье, когда та позвонила и разрыдалась: «как я могу? Сажу тут в тёплых тапках! А их так много... Мне не хватает каких-то правильных, нужных слов!...». Даше казалось, что она проваливается в колючий ледяной наст. Он трещит, отламывается тонкими ледышками и проникает под кожу.

В те тяжелые несколько недель, перестав рыдать от невероятности происходящего, Дарья и поняла, что она не может оставаться только голосом по телефону. Потому что каждый такой разговор повисал в воздухе и разъедал изнутри мрачными предположениями. «Я не могу тут просто так сидеть», – сказала она и с тех пор появлялась везде, где могла. Приезжала и, представившись соседкой, вызывала полицию. С другой разговаривала через дверь. Третьей покупала по сброшенному из форточки паспорту билет на поезд. Передавая его из рук в руки, Дарья чувствовала себя смелой и настоящей, способной хоть что-то предотвратить. Как в двенадцать лет, когда говорила загулявшему с толпой хулиганов, Кириллу «пойдём домой».

Вера, заметив, как дочь начала задерживаться, уходит по вечерам или даже в ночь, сначала предположила самое хорошее и даже в глубине души порадовалась – наконец-то! И каким же было её разочарование, когда она поняла, что Даша уходит не на свидания. Деньги у неё начали ускользать, но никаких обновок не появлялось. Мама вздыхала и спрашивала: зачем? Дарья пожимала плечами и говорила, что это важно для женщин, у которых всё не так хорошо, как у некоторых. И для неё самой это очень важно. И невозможно было понять, что из этого важнее. Поэтому мама только вздыхала, просила быть осторожной и не лезть никуда очертя голову. Она даже досадливо рассказала об этом Светлане Тургаевой, когда та позвонила летом поздравить Веру с днём рождения. «Дашечка всегда была такой чуткой девочкой... Если б она не тянула моего Кирилла, где бы он сейчас болтался?».

Учителя относились к нему как к очередному троечнику-шалопаяю на их голову, а Даше очень хотелось, чтобы это изменилось. Чтобы не только она знала, каким он может быть на самом деле и храбрым, и справедливым, и сообразительным. Она не знала, что именно надо делать, поэтому приставала к Кириллу, пытаясь то подтянуть по учебе, то втравить во внеучебное мероприятие, просто потому что по себе знала: учителя больше любят активных хорошистов. Кирилл ходил с ней по школьным конференциям, но и с теми одноклассниками, которых на конференции не брали, гулять не переставал. Когда Осокины решили, что в десятый класс Дарья пойдёт уже в городе, Кирилл пожал плечами и сказал только: «надеюсь, Дашка не будет реветь». А потом шатался по заброшкам практически весь май и чуть не завалил экзамены. Дарью мать на заброшки не пускала, каждый день говоря, что экзамены нужно сдать очень хорошо для перевода в другую школу. «Какую школу, зачем школу...» – бухтел Кирилл, когда возвращался грязный и голодный, а потом запирался в комнате.

Светлана всегда радовалась, когда Дарья приезжала. Она была твёрдо убеждена, что не спился Кирилл к двадцати годам, как некоторые из деревенских, в том числе и из-за его дружбы с Дашей. И ей хотелось, чтобы эта дружба продолжалась, а потом и во что-то узаконенное переросла. Но ни Кирилл, ни Даша надежд Светланы Тургаевой на это не оправдывали. Вот и сейчас они сели по разные стороны накрытого к обеду стола. Кирилл хмурился и быстро говорил, стуча ложкой по дну тарелки, Даша только согласно кивала.

– В общем, я тебе точно говорю... Эта бабка всю жизнь с сыночком своим квасила. Там по соседям пройди, спроси, история – на голову не наденешь. Эту дуру, Шохову, он притащил из какого-то гов... села, ей чё... семнадцать лет было, это я «поквартирку» ходил узнавал, когда у них концерты начались. Родителей у неё нет, ну, как я понял. Чего-то она там сколько-

то поработала в нашей школе на районе посудомойкой, и всё, родила. А эти, Шоховы, как ква-сили, так и не переставали. Сейчас бабка меньше пьёт, только потому что таскается в СИЗО. И Шохову эту она прогнёт, и та тоже начнёт таскаться к нему в СИЗО. Еще туда детей притащит, потом перед судьёй ими потрясёт. Пусть ему скинут срок, как хорошему папаше.

Дарья посмотрела на Кирилла через стол, чуть вскинув брови и опустив уголки рта.

– Мы уговариваем её остаться в центре на полгода. Хотя она думает, что дома с двумя детьми ей было бы удобнее. Педиатр из поликлиники позвонила, грубо у неё спросила, почему она не ходит на взвешивания.

Кирилл сморщился и дёрнул головой, как будто не понимал, что за ерунду Дарья городит. Какие еще взвешивания, причем тут педиатры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.